FOLIO
DK265
.P354
1927

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ВОЖДЕЙ

00006982152

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Folio
DK265
.P354
1927

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ВОЖДЕЙ

335. 5 к
П 15.

ОДОБРЕНО КОМИССИЕЙ ПО ДЕСЯТИЛЕТИЮ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ПРИ ЦИК СССР

PAMIATI POGIBSHIKH VOZHDEĬ : ODOBRENO KOMI'SSIEĬ PO DESIATILETIIU
OKTIABR'SKOĬ REVOLIUTSII PRI TSIK SSSR

В. И. ЛЕНИН
Я. М. СВЕРДЛОВ
Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ
М. С. УРИЦКИЙ
Л. Б. КРАСИН
М. В. ФРУНЗЕ
В. В. ВОРОВСКИЙ
В. П. НОГИН
Н. Н. НАРИМАНОВ
В. ВОЛОДАРСКИЙ
М. К. ВЛАДИМИРОВ
В. Н. ПОДБЕЛЬСКИЙ
Г. А. УСИЕВИЧ
АРТЕМ (Ф. А. СЕРГЕЕВ)
А. Ф. МЯСНИКОВ
ИНЕССА АРМАНД
В. М. ЗАГОРСКИЙ
С. Г. ШАУМЯН
Ю. МАРХЛЕВСКИЙ
К. Н. САМОЙЛОВА
Л. Я. КАРПОВ
П. Л. ВОЙКОВ

АЛЬБОМ ВОСПОМИНАНИЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ФЕЛИКСА КОНА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1 ★ 9 ★ 2 ★ 7

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Феликс Кон 5

Н. И. Бухарин.—Владимир Ильич Ленин 9

И. В. Сталин.—Горный орел 11

Н. А. Семашко.—Яков Михайлович Свердлов 17

Я. Х. Петерс.—Феликс Эдмундович Дзержинский . . . 19

Д. З. Мануильский.—Михаил Соломонович Урицкий . . 21

Г. М. Кржижановский.—Леонид Борисович Красин . . 23

К. Е. Ворошилов.—Михаил Васильевич Фрунзе . . . 27

Я. С. Ганецкий.—Вацлав Вацлавович Воровский 31

А. И. Рыков.—Виктор Павлович Ногин 35

Мих. Павлович.—Нариман Нариманович Нариманов . . 37

А. В. Луначарский.—В. Володарский 41

Н. П. Брюханов.—Мирон Константинович Владимиров . 43

А. М. Любович.—Вадим Николаевич Подбельский . . . 45

М. И. Фрумкин.—Григорий Александрович Усиевич . . 49

А. З. Каменский.—Артем (Федор Андреевич Сергеев) . 53

В. Г. Кнорин.—Александр Федорович Мясников 57

Н. К. Крупская.—Инесса Арманд 63

О. А. Пятницкий.—В. М. Загорский 67

А. И. Микоян.—Степан Георгиевич Шаумян 71

Феликс Кон.—Юлиан Мархлевский-Карский 75

В. А. Мойрова.—Конкордия Николаевна Самойлова . . 79

А. В. Шотман.—Лев Яковлевич Карпов 83

Л. Л. Оболенский.—Петр Лазаревич Войков 87

Типография и Словолитня
„Красная Пресня"
Мосполиграф
Москва, Мал. Грузинская ул.,
Столярный переулок, 5/7.
Мосгублит № 37.538.
Тираж 10.000.

ИЗ ГОДА в год тает старая ленинская гвардия, и к десятилетию Октября, когда подводятся итоги победам и достижениям, поражениям и потерям, вновь воскресают в памяти те безвременно погибшие вожди, которые во главе с Лениным вели и привели пролетариат к победе, клали первые кирпичи нового строя и грудью отстаивали завоевания пролетариата. Одни из них—это еще жертвы царизма, подточившего годами тюрьмы и каторги их силы,—тт. Дзержинский, Фрунзе, Ногин, Владимиров, Самойлова, Карпов... Исчерпавшая силы подпольная борьба, муки ссылки, тюрьма, каторга и напряженная борьба после революции, работа до изнеможения, вызванная тем вражеским окружением, которое на каждом шагу грозило завоеванной рабочим классом власти...

Это одна группа жертв.

А рядом с ней, во главе с Лениным,—другая группа, тех, на которых непосредственно были направлены предательские удары изменников революции,—удары, укоротившие жизнь Ленина, прекратившие жизнь Загорского, Урицкого, Володарского; удары, согласованные и с русской и с иностранной белогвардейщиной, выступавшей против рабоче-крестьянской республики единым фронтом на всем пространении СССР и вне его пределов... К этой же группе относятся погибший в бою в Сибири Усиевич, расстрелянный на Кавказе Шаумян и убитый из-за угла в Швейцарии Воровский. Убийствами вожей, носителей идей революции, пытались сторонники прошлого убит революцию, но идей этих не убить ни бомбой, ни штыком, ни пулей.

Умер Ленин, умер целый ряд его сподвижников, имена которых навсегда останутся в истории революционного движения; большие потери понес рабочий класс и возглавляющая его коммунистическая партия, но движение пойдет своим чередом и пойдет под знаменем, обагренным кровью вождей, отдавших жизнь в борьбе за освобождение рабочего класса.

Феликс Кон

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pamiatipogibshik00unse

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ВОЖДЕЙ

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)

1870—1924

Н. И. БУХАРИН

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

УМЕР ЛЕНИН. Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия, этих живых, пронизывающих, внимательных глаз, этих твердых, властных рук, всей этой крепкой, литой фигуры, которая стояла на рубеже двух эпох в развитии человечества. Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, где бьются сердца рабочих, где куется сознание великого класса, где точится оружие его освободительной борьбы.

Милый! Незабываемый! Великий!

Товарищ Ленин был и останется в веках единственным и неповторяемым.

Природа и история завязали в нем замечательный узел громадного ума, нечеловеческой воли, личного мужества и той редкой человечности, которая свойственна только избранникам. И эти комбинированные силы дали нам гений Владимира Ильича.

Тов. Ленин был прежде всего вождем, таким вождем, каким история дарит человечество раз в сотни лет, по именам которых потом отсчитывают эпохи. Он был величайшим организатором масс. Точно великан, шел он впереди людского потока, направляя его движение, из бесчисленных человеческих единиц строя дисциплинированную армию труда, бросая ее в бой, круша противника, обуздывая стихию, освещал прожектором своего мощного ума и прямые пути и темные обходные закоулки, по которым приходится звучать мерной поступи черных рабочих рядов с мятежными красными знаменами.

Что делало Ленина таким гениальным выразителем миллионов?

Это, прежде всего, его необычайная чуткость к запросам масс. Точно было у Ленина какое-то неведомое шестое чувство, которое позволяло ему чутким ухом прислушиваться, как растет под землею трава, как бегут и журчат подземные ручейки, какие думы, какие мысли бродят в головах бесчисленных тружеников земли. Он, как никто, умел слушать. Он терпеливо и внимательно слушал солдата старой армии, крестьянина из далекой окраины, рабочего-металлиста. По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянстве. По записке рабочего на митинге он, мудрец нашей партии, видел и чувствовал, какими путями бегут мысли рабочего класса. Из каждого человека он каким-то, только ему свойственным, способом точно вытягивал тысячи нитей, весь клубок социальных связей, сложных сплетений и узлов,—и перед его глазами была картина жизни миллионов, картина классовых отношений во всей необ'ятной стране. Ленин имел особый дар говорить с людьми, подходить к людям настолько близко, настолько интимно, что они шли к нему навстречу со всеми своими сомнениями, нуждами, запросами. С каждым Ленин находил общий язык. Ненавидя всеми силами своей могучей души противников рабочего класса, порывая с ними резко, решительно, бесповоротно, Ленин умел убеждать, терпеливо раз'яснять сомнения „своих", людей борющегося труда. Оттого Ленин пользовался таким исключительным обаянием. Он очаровывал людей. Они шли к нему не как к начальнику, хотя бы и пролетарской армии, а как

к лучшему другу, товарищу, вернейшему, мудрейшему, опытнейшему советчику. И он сплачивал людей вокруг себя таким цементом, который размыть не была в состоянии никакая сила.

Вряд ли можно найти в истории другого такого вождя, который был бы так любим своими ближайшими соратниками. У всех у них было к Ленину какое-то особое чувство. Они его именно любили. Не просто ценили его мощный головной аппарат и его железную руку. Нет. Он привязывал людей пучками интимных ниточек, он был свой, близкий, родной. Он был в полном смысле товарищ,—великое слово, которому принадлежит будущее. Такими будут когда-нибудь отношения между всеми людьми...

Эта величайшая простота была у Ленина основной чертой его политики.

Это не простота наивных людей. Это именно простота гения. Он находил простые слова, простые лозунги, простые решения самых сложных задач. Ничто не было так чуждо Ленину, как „выкрутасы", поза, умничанье. Он ненавидел все это, издевался над этим проклятым наследством старого, которое еще тяготеет над нами. Он знал цену дел и был бешеным противником всякой пустопорожней шумихи.

И вместе с тем Ленин властно вел всю партию, а через нее всех трудящихся. Он был диктатором в лучшем смысле этого слова. Впитывая в себя, точно губка, все токи жизни, перерабатывая в своей изумительной умственной лаборатории опыт сотен и тысяч людей, он в то же время мужественной рукой вел за собой, как власть имеющий, как авторитет, как могучий вождь. Он никогда не подлаживался к отсталости, он никогда пассивно не „регистрировал" событий. Он мог итти против течения со всей силой своего бешеного темперамента. Таким и должен быть настоящий массовый вождь.

Товарищ Ленин ушел от нас навсегда. Ушел навеки. Перенесем же всю свою любовь к нему на его родное дитя, на его наследника—на нашу партию. Пусть будет она жива его духом, его умом, его волей, его беззаветным мужеством, его преданностью рабочему классу. Будем все вместе так же внимательно прислушиваться к массам, как это умел делать Ленин,—наш общий вождь, наш мудрый учитель, наш милый, наш бесценный товарищ.

И. В. СТАЛИН

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

ВПЕРВЫЕ я познакомился с Лениным в 1903 г. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири, в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 г., после издания „Искры", привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина—Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие—стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко запало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири,—это было в конце 1903 г.,—я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, мой друг познакомил с моим письмом. Письмецо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело, когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмецо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось мое знакомство с Лениным.

СКРОМНОСТЬ

Впервые я встретился с Лениным в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, физически, ибо Ленин рисовался моему воображению в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что „великий человек" обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, при чем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: „тсс... тише... он идет". Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было

мое разочарование, когда я увидел, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забившись где-то в углу, по-простецки вел беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда нарушением некоторых необходимых правил. Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать своего высокого положения,—эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс глубочайших „низов" человечества.

СИЛА ЛОГИКИ

Замечательны были две речи Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление,—все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных „парламентских" ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили многие из делегатов: „Логика в речах Ленина—это какие-то всесильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами, и из об'ятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал".

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

БЕЗ ХНЫКАНИЯ

Второй раз встретил я Ленина в 1906 г. на Стокгольмском с'езде нашей партии. Известно, что на этом с'езде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на иоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было поглядеть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском с'езде—Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин, в своей беспощадной критике меньшевизма, не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты-большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозили усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: „Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы". Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу,—вот о чем говорил тогда с нами Ленин.

Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

„Не хныкать по случаю поражения"—это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему сплачивать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

БЕЗ КИЧЛИВОСТИ

На следующем с'езде, в 1907 г., в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми, кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но

Ленин ни на иоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: „первое дело—не увлекаться победой и не кичиться; второе дело—закрепить за собой победу; третье—добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит". Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что „отныне с меньшевиками покончено". Ему не трудно было доказать, что меньшевики все еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умеючи, всячески избегая переоценки своих сил и особенно недооценки сил противника.

„Не кичиться победой",—это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от всевозможных неожиданностей.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ

Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство—это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того,—он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то,—как он часто говорил об этом,—что „принципиальная политика есть самая верная политика".

Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909—1911 гг., когда партия, разбитая контр-революцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партии, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Известно, что в этом споре за партийность Ленин оказался впоследствии победителем.

Второй факт. Период 1914—1917 гг., период разгара империалистской войны, когда все или почти все социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патриотическому угару, отдали себя в услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал склонил свои знамена перед капиталом; когда перед шовинистической волной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гед и другие. Ленин был тогда единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гедов и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных „революционеров". Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика есть самая верная политика.

Известно, что в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

„Принципиальная политика есть самая верная политика",—это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые „неприступные" позиции, завоевывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата.

ВЕРА В МАССЫ

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некоторый аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут „поломать много лишнего", желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс,—такова основа этого рода аристократизма.

Ленин представлял собою полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил бы в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков „хаоса революции" и „вакханалии самочинных действий масс", как Ленин. Помнится, как во время одной беседы, в ответ на замечание одного из товарищей, что „после революции должен установиться нормальный порядок", Ленин саркастически заметил: „Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции".

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свысока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс—это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции.

ГЕНИЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение, или что он всегда, при всяких условиях, стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал: становился ясновидцем, предугадывая движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорили в наших партийных кругах, что „Ильич умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде".

Отсюда „поразительная" ясность тактических лозунгов и „головокружительная" смелость революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия подготовляли военную диктатуру в интересах „войны до конца"; когда все так называемое общественное мнение, все так называемые социалистические партии стояли против большевиков, третируя их немецкими шпионами; когда Керенский пытался загнать в подполье и отчасти уже успел загнать партию большевиков; когда все еще могучие, дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых, разлагавшихся армий, а западно-европейские „социалисты" благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах „войны до полной победы"...

Что значило поднять восстание в такой момент?

Поднять восстание в такой обстановке—это значит поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание

победит, что восстание в России подготовит конец империалистической войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистскую в войну гражданскую, что восстание даст республику советов, что республика советов послужит оплотом революционного движения во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет двенадцатимиллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение.

„Пойдем на радио-станцию,—сказал Ленин,—она нам сослужит пользу; мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом—окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки".

Это был скачок в неизвестность. Но Ленин не боялся этого „скачка", наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира, и она завоюет мир, сметя по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий—это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения.

Яков Михайлович Свердлов

1885—1919

Н. А. СЕМАШКО

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ СВЕРДЛОВ

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с Яковом Михайловичем Свердловым, когда он был еще молодым человеком, в самом начале его революционной деятельности.

Еще в 1904 г., приехав в Н.-Новгород и будучи введен членом комитета в местную с.-д. (большевистскую) организацию, я познакомился с небольшим, худеньким, черным, как жук, молодым человеком. „Тов. Андрей — агитатор", отрекомендовали мне его.

Я скоро убедился, что тов. Андрей (вскоре я познакомился с ним ближе и узнал его настоящую фамилию) был действительно большим агитатором. Его громкий бас, несмотря на худощавую внешность, лился равномерно на многотысячных собраниях. В то время, впрочем, собрания наши были нелегальны и немногочисленны: на них присутствовало, в лучшем случае, несколько сот человек. Но и эта толпа любила слушать понятную, простую, спокойную речь тов. Андрея, и на всех митингах он был любимым оратором. Нравился он рабочим потому, что отличался удивительной выдержкой и спокойствием; в те времена наши собрания не раз окружала полиция или казаки, поднималась обыкновенно паника, когда казаки с саблями наголо мчались стрелой на толпу, и лишь спокойный возглас тов. Андрея: „товарищи, спокойствие,—не бежать",—останавливал толпу, не давая возможности разразиться несчастью.

В конце 1904 г. Яков Михайлович, преследуемый жандармами, должен был скрыться из Нижнего; он уехал потихоньку в Кострому; однако, в начале 1905 г. мы с радостью вновь увидели „Андрея" в своих рядах в Н.-Новгороде.

Уже с начала 1905 г., когда сормовские рабочие „явочным порядком", несмотря на запрещение полиции, начали организовывать открытые митинги под открытым небом (полиция, видя многочисленность собрания и боевое настроение его, стояла тут же, но не смела разгонять), любовь сормовских рабочих к тов. Андрею возросла еще больше. Его звали туда, где нужно было посоветоваться по поводу какого-нибудь конфликта, разразившегося на заводе; его вызывали, чтобы об'яснить какой-нибудь новый закон, его требовали всякий раз, когда на собраниях надо было сразиться с эсерами или меньшевиками, которые пытались затуманить головы рабочих.

Выносливость Якова Михайловича была (и осталась до последних дней жизни) прямо нечеловеческой. Мы в шутку говорили, что „Андрей может гудеть целый день", и, действительно, почти вся агитационная работа за это время (не говоря уже об организационной, в которой он также принимал участие) лежала на нем.

В конце 1905 г. я был арестован и потерял из виду Якова Михайловича. Слышал я, что он был на Урале, потом был арестован, сидел в тюрьме, где, как обычно делалось, занимался самообразованием, в результате чего стал глубоко образованным человеком; словом, слышал то, что теперь рассказывается в биографии Якова Михайловича.

Потом я эмигрировал за границу и оттуда услышал радостную весть. В то время как среди меньшевиков после 1905 г. считалось признаком хорошего тона плевать на революцию, всячески ругать декабрьское восстание, появились попытки „ликвидировать" нашу нелегальную революционную

работу, в то время как среди даже некоторых наших товарищей большевиков началось шатание, то в сторону анархизма („отзовисты", „ультиматисты"), то в сторону соглашения с ликвидистами („примиренцы"),тов. Як. Мих. Свердлов, занимавший тогда исключительно ответственное место в центре нашей партии, остался тверд и полностью верен большевистским революционным лозунгам. Как гордились тогда мы, нижегородцы, твердостью и выдержанностью нашего товарища, и как радовались его руководству практической работой в России.

Дальнейшая работа Якова Михайловича протекала на виду у многих товарищей—пусть расскажут они. Я хотел бы отметить одну основную черту Якова Михайловича, которую отметил и художник на портрете его, помещенном в Свердловском зале в Кремле: стоит он на этом портрете в кожаной куртке, как стальной, напряженный, способный выдержать какой угодно натиск и бурю.

Таким я знал его с самой его юности, таким он остался и до последних дней его жизни. Никогда не изгладится из памяти присутствующих одна торжественная минута во время заседания ВЦИК, незадолго до его смерти. В зал заседания принесли известие о провокаторском убийстве эсерами германского посланника Мирбаха. Всех нас взволновали тяжелые думы: вот воспользуются теперь моментом полчища кайзера, нападут на беззащитную нашу страну, и пропали прахом все завоевания Октябрьской революции. И среди всеобщего гробового молчания вдруг раздался спокойный бас председателя тов. Свердлова: „Заседание ВЦИК продолжается". И он спокойно, даже полуиронически, начал характеризовать положение и указывать выход.

Если наша партия пережила с честью все периоды качаний, колебаний, все бури, непогоды и ни на иоту не изменила никогда революции, если она, благодаря этому, сплотила всех революционных рабочих страны и довела их до октябрьских завоеваний, то большая заслуга в этом падает также на Якова Михайловича.

Феликс Эдмундович Дзержинский

1877—1926

Я. Х. ~~ПЕ~~ТЕРС

ФЕЛИКС ЭДМУНДОВИЧ ДЗЕРЖИНСКИЙ

ДЕСЯТЬ лет революции—и из наших рядов уже выбыл целый ряд наших товарищей, которые в Октябрьские дни возглавляли движение и руководили им. Из них Ильич, Свердлов и Дзержинский — три члена ЦК ВКП — были той тройкой, которая была выдвинута ЦК партии для руководства Октябрьским восстанием.

Тов. Дзержинский умер, сражаясь на хозяйственном фронте. Несколько лет работы в качестве наркома путей сообщения и председателя ВСНХ СССР создали ему имя хозяйственника, умеющего глубоко проникать в хозяйственные проблемы, сплачивать вокруг себя лучших хозяйственников и специалистов, завоевывать себе полное их доверие. Результаты этой работы мы видим и на транспорте и в промышленности.

В памяти широких трудящихся масс имя тов. Дзержинского останется, главным образом, как имя борца против контр-революции, против белогвардейщины, как защитника завоеваний Октября.

О ВЧК и ГПУ пишется очень мало. Роль ВЧК в укреплении советской власти и защиты ее от нападений белогвардейских банд еще не освещена, и поэтому понять тем товарищам, которые сами не работали в ВЧК, особенно в ее верхушке, все трудности, какие пришлось преодолеть тов. Дзержинскому при создании ВЧК и в борьбе с врагами советской власти,—чрезвычайно трудно.

Тов. Дзержинский был назначен председателем ВЧК с 20 декабря 1917 г. При нем была назначена коллегия, и вот тов. Дзержинскому поручили борьбу с врагами советской власти. Какая была обстановка кругом? Демобилизующаяся армия, „демобилизующиеся“ от своих обязанностей чиновники, защитники интересов самодержавия и буржуазии, невероятная разруха, неликвидированные фронты империалистической бойни, ненависть к советской власти со стороны почти всех существующих политических партий, в том числе и социалистических. На почве всего этого положения развились бандитизм, пьяные погромы, саботаж интеллигенции и отряды офицеров царской армии,—все это было использовано врагами советской власти для подрыва сил и авторитета молодой, еще не окрепшей, первой в мире рабочей республики.

Помнится первое заседание коллегии ВЧК. Тов. Дзержинский раз'ясняет задания коллегии: ей поручена Совнаркомом борьба с контр-революцией. Тут же начинает излагать свой план действий. Но сколько трудностей! А для преодоления нет людей, нет ясных директив, нет опыта. Но тов. Дзержинский не унывает. Несмотря на всю предубежденность, которая существовала даже среди коммунистов в отношении ВЧК, тов. Дзержинский с невероятной энергией вербует работников для ВЧК, борется с распространенным предрассудком. Товарищам неприятно итти на обыски, допрашивать арестованных белогвардейцев, неприятны слезы арестованных,—и тов. Дзержинскому они тяжелы. Но с удивительной ясностью он понимает путь революции и все трудности, стоящие на этом пути. С самого начала он понимает, что революция не кончится с захватом власти, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть, и что в этой борьбе нет места никаким сентиментальностям: или мы победим, или нас победят.

Партия не могла найти более подходящего товарища для этой работы. Своей колоссальной

энергией, полным пониманием, куда мы идем, он увлекал товарищей и был им примером в работе. ВЧК завоевала себе громадные права. Имя ВЧК прогремело по всему миру, и она стала страшной для врагов советской власти. Но Ф. Э. Дзержинский не увлекался ни похвалами, ни нападками на ВЧК. Он остался верным на своем посту в той роли, какую на него возложила революция,—роли защитника революции. Ф. Э. не допускал мести по отношению к своим врагам, а применял оружие расправы, исключительно исходя из защиты интересов революции.

Тов. Дзержинский пользовался полным доверием со стороны сотрудников. Каждый сотрудник видел в лице тов. Дзержинского образец, как надо жить коммунисту, чекисту и революционеру. Не допуская ни малейшего излишества в своей жизни, тов. Дзержинский отдавался всецело работе. Для него не существовало ни воскресного, ни вечернего отдыха, он не выходил из стен ВЧК иногда неделями. Громадной энергией в работе, образцовой личной жизнью он создал вокруг себя армию, готовую отдать все за революцию и советскую власть.

Кто такой тов. Дзержинский? В раннем возрасте тов. Дзержинский встал на путь борьбы с капиталистическим строем. Будучи в седьмом классе гимназии, в 16-летнем возрасте, он бросает гимназию и отдается всецело революционной работе. Сначала в Вильне, а потом в Ковне он работал среди рабочих в качестве пропагандиста-агитатора. Это происходит в 1897—98 гг. Дзержинскому приходилось очень трудно: он терпит массу неприятностей, тяжелое материальное положение. Один из тех рабочих, среди которых тов. Дзержинский работал, организовывая их и проводя забастовку, чем добился сокращения рабочего дня,—выдает тов. Дзержинского за 10 рублей полиции. И тов. Дзержинский попадает в ссылку. Дальнейшая его жизнь почти вся проходит в ссылке, в тюрьме; вот он снова на воле, и ни на минуту тов. Дзержинский не отходит от партийной жизни, оставаясь все время активным ее членом.

Февральская революция освобождает тов. Дзержинского, и прямо с каторги Ф. Э. попадает в самую гущу борьбы за Октябрь. Он является одним из самых стойких сторонников Ильича.

Сначала гроза буржуазии, тов. Дзержинский впоследствии стал строителем-хозяйственником. Ему пришлось разрушать фундамент старого, прогнившего буржуазного строя, на его же долю выпало дело строительства нового, социалистического хозяйства. Пламенный борец во время гражданской войны, он свой огонь воодушевления вкладывал и в дело хозяйственного строительства. Но 30 лет непрерывной революционной работы, тюрьмы, ссылки и каторга подорвали его силы. Все последние годы он знал, что он тяжело болен, но даже болезнь не могла его удержать от активной борьбы за ленинизм, и он погиб на своем посту.

Моисей Соломонович Урицкий

1873—1918

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ

МИХАИЛ СОЛОМОНОВИЧ УРИЦКИЙ

В ТО ВРЕМЯ, когда Советская республика билась в кольце наступавших со всех сторон контр-революционных сил, когда империалистические войска Германии занимали Украину, когда к Самаре подходил Колчак, когда судьба Октябрьской революции, казалось, висела на волоске,—30 августа 1918 г. пал жертвой белогвардейской пули самоотверженнейший друг пролетариата, его верный солдат и передовой боец, Михаил Соломонович Урицкий.

Петроград того времени кишел белогвардейцами. Заговоры против пролетарской диктатуры шли с разных сторон; начиная от откровенных монархистов и кончая вчерашними террористами, ходившими когда-то на царских министров с бомбой,— все об'единилось в бешеной ненависти против Октябрьской революции. Единый контр-революционный фронт выровнялся, управляли им из Лондона и Парижа. Нити заговоров тянулись к салонам дипломатических миссий. Не случайно лощеный белогвардейский студент, убивший Урицкого, пытался укрыться в английском посольстве.

Урицкий был председателем Петроградской Чрезвычайной Комиссии, подавлявшей контр-революционные заговоры. Молодая пролетарская власть поставила его на самый ответственный пост в самый опасный в жизни Советской республики момент. Урицкий зимой того же исторического 1918 г. был комиссаром Учредительного собрания, где столкнулись лицом к лицу силы революции и контр-революции. Контр-революция вышла битой из Учредительного собрания. Матрос Железняк, впоследствии погибший на броневике в бою против Деникина, от имени миллионов рабочих и крестьян прекратил гнусную комедию, разыгрываемую в Таврическом дворце эсеровскими депутатами учредилки. Ночью, когда речи эсеровских Златоустов стали литься безудержной рекой, Железняк, подойдя к председателю Чернову со словами: „Караул устал... Вам пора расходиться", распустил Учредительное собрание. Эсеровский лидер Чернов не сумел даже повторить театрального жеста Мирабо времен великой французской революции. Он жалко лишь пролепетал:

— Сейчас... мы уже кончаем.

И всю злобу за это унижение, за свою трусость перед вооруженным караулом контр-революция перенесла на Урицкого. Это он с таким спокойствием и выдержкой руководил операцией роспуска Учредительного собрания. Это он предусмотрел каждую деталь этой операции. Благодаря ему вся учредиловская трагикомедия обратилась в фарс.

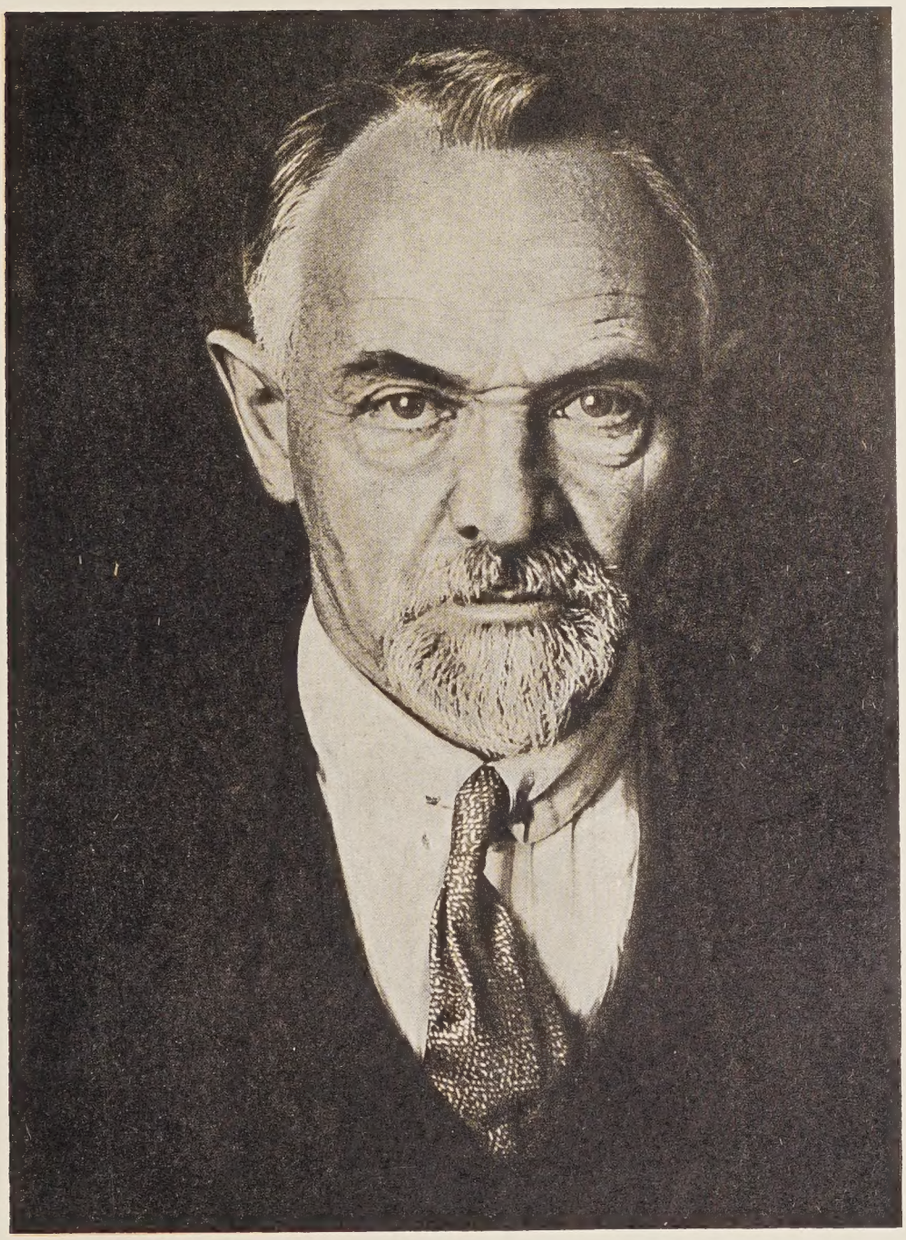
Контр-революция не могла простить Урицкому и того, что он был одним из членов военно-революционного комитета, руководившего восстанием рабочих, матросов и солдат в октябре 1917 года. И почти одновременно с покушением на Ленина (на заводе Михельсона) пал Урицкий.

Жизненный путь Урицкого до октября 1917 г.— это путь революционера, прошедшего тюрьмы, пересыльные этапы, ссылки в Сибирь. Он родился в городе Черкасах, Киевской губ., в 1873 г., в еврейской семье. Условия еврейского гетто, жестокие преследования царизмом еврейского населения, нищета мелких еврейских ремесленников, ютящихся в грязи и подвалах уездного городка, забитость окружающего город украинского крестьянства, произвол царской администрации,—все

это оставило в восприимчивой натуре юноши Урицкого неизгладимый след. Безрадостно протекало детство Урицкого. Сначала зубрежка в еврейском хедере талмуда, которая вызывала в ребенке отвращение, потом разрыв с семьей, бегство в поисках случайного заработка и страстная жажда учиться. В начале 90-х годов Урицкому, после блестяще сданного выпускного экзамена за курс гимназии в Белой Церкви, удается поступить, несмотря на процентную норму, в Киевский университет. Здесь впервые юноша Урицкий встречается с рабочей средой промышленного центра, здесь он завязывает свои первые рабочие связи, участвует активно в социал-демократических кружках. В 1897 г., отбывая воинскую повинность, Урицкий ведет пропаганду среди солдат. Его арестовывают по обвинению в принадлежности к РСДРП. Царизм гонит его на пять лет в Якутскую область, в самые отдаленные пункты полярного круга. Революция 1905 г. освобождает Урицкого. Вернувшись в Петербург с паспортом на имя доктора Ратнера, он всецело отдается партийной работе. Но уже в начале 1906 г. его опять арестовывают и ссылают сначала в Вологодскую, а затем в Архангельскую губ. Оттуда Урицкий бежит и все годы свирепейшей царской реакции после подавления революции 1905 г. проводит на партийной работе на Украине. Одесса, Екатеринослав, Киев—из города в город кочует Урицкий, завязывая новые связи, поддерживая нелегальную работу партии. Только накануне мировой войны, когда Урицкий был кругом провален, когда охранники стали гоняться по пятам, он по настоянию друзей решает перебраться за границу, в эмиграцию—„подновить" политический багаж. Мировая война застает Урицкого в скандинавских странах. С момента раскола 1903 г. Урицкий был меньшевиком, но меньшевиком, стоявшим на крайнем левом крыле меньшевистской фракции. Но уже задолго перед войной он стал отходить от меньшевизма. Все яснее видит он, куда „врастает" меньшевизм, в какое оппортунистическое болото тащат меньшевики одураченных ими рабочих. Он круто рвет старые связи, он стоит за необходимость теснейшего контакта в нелегальной работе с большевиками. Война только завершила идейный поворот в жизни Урицкого. Он выступает решительным противником ее, сотрудничает из Стокгольма в издающейся в Париже газете „Наше слово", борется всемерно с социал-шовинистическим поветрием и активно работает над созданием первых коммунистических групп, организующихся под видом оппозиции в скандинавских странах. После февральской революции 1917 г. он переезжает в Петроград. К этому времени относится период моей совместной работы с тов. Урицким. Мы были выразителями разных политических тенденций в РСДРП в прошлом, но нарастающая социалистическая революция показала ошибочность всех этих направлений, как „впередовство", „троцкизм" и т. д. Петербургская „межрайонка" 1917 г., в которую влились осколки разных групп прошлого периода, была коротким эпизодом, сметенным событиями величайшей исторической важности. На с'езде партии, в августе 1917 г., Урицкий выбирается членом ЦК партии, того Центрального Комитета, который руководил восстанием в Октябре. Когда в начале 1917 г. в Центральном Комитете партии стал вопрос о восстании, Урицкий без малейшего колебания высказался за восстание.

Велика потеря, которую понесла революция и партия в лице Урицкого. Тяжелая утрата его преждевременная смерть и для всех тех, кто имел случай сталкиваться с ним. Величайшая скромность, самоотверженность, кристаллическая чистота личной жизни, не знавшей никаких других интересов, кроме интересов революции, готовность всегда пойти первым на самое опасное, но нужное дело,—таковы были черты обаятельной личности покойного. Урицкого нельзя было только уважать, его нельзя было не любить, как прекрасного, отзывчивого товарища.

Скоро десять лет, как не стало Урицкого. Но партия и ленинградский пролетариат чтут его память и не забудут одного из активнейших вождей великой Октябрьской революции.



Леонид Борисович Красин

1870—1926

Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ КРАСИН

ВПЕРВЫЕ встретиться с Л. Б. мне пришлось вначале 90-х годов в стенах Петербургского Технологического института. Это был удивительно одаренный, необыкновенно красивый юноша, уже и тогда явно превращавшийся в вождя передовой молодежи. Казалось, этому орленку был отпущен неистощимый запас и духовных и физических сил. Блестящий ораторский талант, гибкая и тонкая аргументация, необычайная внешняя привлекательность как-то сразу выделяли его в пестрой толпе тогдашнего студенчества, и он казался на голову выше других. Тяжелый груз технологических наук он преодолевал с такою же легкостью, с какой переплывал в те времена могучий поток Волги под Казанью.

Помню, что во время исключения его из института за участие в демонстрации при похоронах писателя Шелгунова нам, студентам, было известно, что дирекция института сожалела о потере этого исключительно талантливого студента, несмотря на то, что еще „вчера“ Л. Б. выступал в качестве лидера студенчества с яркими обличительными речами против того же начальства в имевшей тогда место общестуденческой забастовке. Администрации института прекрасно было известно, что Л. Б. исключался, так сказать, по сумме причин, в которых шелгуновская демонстрация была лишь частностью. Леонид Борисович уже и тогда был не только лидером революционного студенчества, но был определенно одним из главарей того подпольного революционного марксизма, видевшего центр тяжести революционной борьбы не в студенческих движениях, а в движении пролетарских масс, который тогда только лишь начинал формироваться в северной столице. Однако, обаяние этого юноши было настолько велико, что ему не могли не отдавать должного даже и его противники.

Проходят годы первой ссылки, и Леонид Борисович возвращается к учебе, быстро превращаясь в блестящего инженера. Здесь выявились его немалая уже и в те времена общая образованность и его подготовка как диалектика-марксиста, а также его исключительное умение „мыслить геометрически“ и работать чертежами и счетной линейкой. Перед ним все более и более развертываются возможности блестящей административно-технической карьеры. Он сразу становится авторитетным практическим работником в области прикладной электротехники, но его натура борца попрежнему тянет его совсем не в сторону этого, так легко ему дающегося благополучия технической карьеры. Блестящий инженер, ближайший друг и сотрудник широко известного инженера Р. Э. Классона, Леонид Борисович продолжает и в этот период своих бакинских работ ту подпольную марксистскую работу, которую он начал в кружках Питера вместе с тт. Брусневым, Цивинским и др.

В истории нашей коммунистической партии не умрет память о первых организациях „Искры“ и о той великолепной, по тогдашним временам, бакинской подпольной типографии, которые так тесно связаны с самоотверженной работой блестящего инженера Красина.

До сих пор в моей памяти ярко живут обстоятельства встречи с Л. Б. тех времен, когда я, в качестве работника первого Центрального Комитета РСДРП, вошел с ним в непосредственные

переговоры, и когда он с такой охотой откликнулся на предложение вступить в ближайшее сотрудничество с этим формирующимся большевистским центром. Лишь с его помощью нам удалось тогда быстро напечатать в бакинской типографии первомайскую листовку, служившую одновременно своего рода манифестом первого ЦК партии.

Не раз в те времена, при том или ином провале наших подпольных формирующихся организаций, следы явным образом вели к центральной фигуре Л. Б. Красина, немало смущая тогдашнюю жандармерию, ибо трудно было предположить, чтобы такой блестящий инженер мог итти на столь отчаянный риск...

Революция 1905 г. застает Л. Б. уже в Питере, где он играет роль незаменимого помощника Владимира Ильича. Его краткое пребывание на службе у известного Саввы Морозова вводит его в круги тогдашних фрондирующих либеральных московских верхов, а его личная обаятельность завоевывает ему широкие симпатии в тех артистических кругах Москвы, которые в дальнейшем неоднократно помогали нашему первичному партийному строительству материальной, а иногда и личной поддержкой. А на ряду с этим тов. Красин организует подпольную типографию на Лесной ул. в Москве и подкоп (неудавшийся) Бутырской тюрьмы для освобождения товарищей.

В Питере Леонид Борисович быстро становится одним из крупнейших инженеров электротехнического мира и занимает такой пост, при котором даже и опытным царским сыщикам как-то трудно сочетать его образ с дружбой с известным кавказским смельчаком-революционером Камо.

Вспоминаю тяжелые времена — арест Л. Б. в Финляндии, когда ему приходилось сидеть в тюрьме под прямой угрозой виселицы. Какая глубокая радость охватила нас всех при известии о чудесном спасении Л. Б. из Выборгской тюрьмы и о его переезде за границу.

Здесь он быстро становится видным инженером мировой фирмы Сименс-Шуккерт, продолжая в то же время партийную работу в кругах тогдашней эмиграции. Богатые лингвистические способности и безусловный талант инженера-практика на этот раз поднимают его на такие верхи инженерного мира, что становится возможным легальный возврат его в Россию. На этих верхах инженерного мира застает его и тот зов красного Октября, повинуясь которому Л. Б. кончает со своей инженерной работой и становится в ряды ближайших сотрудников Ленина.

Пролетариат не забудет работы Л. Б. в первый период военных гроз над Республикой Советов, не забудет его неустанной боевой работы в первом Совете Труда и Обороны, его подбадривающей энергии в качестве первого чусоснабарма. Точно также будут исторически памятными его труды в качестве одного из первых наркомов транспорта в тот период, когда этот транспорт был главным полем борьбы огнем и мечом. Но особенно четко выявилась колоссальная работоспособность Л. Б на его последнем посту, в качестве комиссара внешней торговли и посла в Лондоне.

Если покойный Ф. Э. Дзержинский был подлинным рыцарем индустриализации, то про Л. Б. Красина мы можем сказать, что он был таким же рыцарем монополии внешней торговли. В настоящее время нам с каждым годом становится все более и более ясным, какую громадную роль во всей нашей экономике призвана сыграть эта государственная централизованность нашей внешней торговли. Между тем, было время, когда горячая, страстная убежденность Л. Б. немало помогла нам справиться с колебаниями в этом вопросе и признать в монополии внешней торговли одну из основных командных высот нашей экономики.

Едва ли не главной бедой Л. Б. была его удивительная доверчивость к людям, которая, казалось бы, не находилась ни в какой увязке с его разнообразным и большим чутьем практического работника. А между тем психологически эта сугубая доверчивость легко об'яснима. Будучи сибиряком по происхождению, Л. Б. сочетал в своем духовном облике как раз ту простую, стройную и ясную гармонию основных положительных черт, которая так ясно выражена в физическом облике его родины. Ему чужда была всякая мелочность,

всякий подход с задней мыслью, и поэтому ему так трудно было заподозрить в этом направлении окружающих его. А работать ему приходилось на торговом поприще, где, как известно, моральная обстановка далеко не из лучших. Трудно себе представить, как много горечи пришлось испытать Л. Б. в этом труднейшем строительстве первых редутов Внешторга, и как много богатырских сил его ушло на это дело. Одно несомненно,—это именно он поднял дело Внешторга из небытия до той высоты, на которой оно является ныне общепризнанным фактором мирового товарооборота. И если положить на одну чашу весов все ошибки и недоделки неустанного работника, а на другую—его положительное творчество, то эта вторая чаша на много и много перевесит первую...

За границей мне пришлось работать вместе с Л. Б. на Гаагской международной конференции. Здесь я воочию убедился, каким громадным престижем пользовался красный инженер и красный дипломат тов. Красин даже у самых злобных наших противников, как превосходно умел он парировать разнообразные удары, со всех сторон направлявшиеся против цитадели мирового революционного пролетариата. Казалось, что он был еще только в расцвете своих сил, что он еще долгие годы сможет с прежней щедростью тратить эти силы... Ушел он от нас, во всяком случае, еще в далекой степени не исчерпав богатейших даров своей духовной природы, ушел как раз в такое время, когда он был для нас особенно нужен и ценен...

Михаил Васильевич Фрунзе

1885—1925

К. Е. ВОРОШИЛОВ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ФРУНЗЕ

БЕЗВРЕМЕННАЯ, тяжкая потеря действует ошеломляюще; внезапная утрата близкого человека совсем пришибает.

Смерть милого, сердечного Миши явилась для нас, его друзей, страшной неожиданностью.

О болезни Михаила Васильевича мы все были хорошо осведомлены. Но, как и сам Михаил Васильевич, никто из нас не считал его болезнь серьезной и—во всяком случае—опасной для жизни.

Осенью (октябрь) мы с Михаилом Васильевичем целый месяц своего отпуска провели в Азербайджане на охоте. Горы, овраги и вообще своеобразная, трудно проходимая местность района охоты заставляла нас каждую минуту брать препятствия, и Михаил Васильевич, страстный и хороший охотник, был неутомим. С рассветом вставая, мы часто только с наступлением сумерек возвращались в аул, чтобы опять на рассвете снова двинуться на новые места, все такие же скалистые и овражные. Думать о диэте или о сколько-нибудь регулярном питании было совершенно невозможно. Питались „подножным кормом"—пищей местного крестьянства, и, невзирая на такой образ жизни, Михаил Васильевич поправился, окреп и чувствовал себя превосходно.

Это обстоятельство заставило нас еще больше убедиться в том, что болезнь нашего друга не столь значительна и опасна, хотя об операции поговаривали уже давно.

Периодические болезненные явления у Михаила Васильевича, являвшиеся результатом чрезмерной работы, выводили его на короткое время из строя и всякий раз весьма быстро ликвидировались простой передышкой—отдыхом.

В июле Михаил Васильевич дважды потерпел крушение на автомобиле, при чем во второй раз он получил довольно значительные ушибы лба, ноги и руки. Но уже через неделю врачи разрешили Михаилу Васильевичу поехать на охоту. Охота для Михаила Васильевича была отдыхом и лучшим времяпрепровождением в короткие перерывы от многосложной и тяжелой работы. Уже 1 августа мы с Михаилом Васильевичем, уже оправившимся от ушибов, провели целые сутки на охоте, в болотах, за 130 верст от Москвы, и опять состояние Михаила Васильевича бодрое и жизнерадостное.

Но к концу августа Михаил Васильевич жалуется на боль в руке и ноге. Ушибы, полученные при крушении автомобиля, не прошли даром. Потребовалось хирургическое вмешательство врачей для ликвидации начавшихся местных воспалительных процессов на руке и ноге. Короткое пребывание Михаила Васильевича в больнице и забота врачей делают свое дело, и Михаил Васильевич снова здоров и полон кипучей энергии.

В начале сентября Михаил Васильевич приезжает в Мухалатку (Крым) отдохнуть. Вместе с ним военный врач тов. Мандрыка. От врача мы узнаем (в то время в Мухалатке отдыхали тт. Сталин, Шкирятов, я и другие товарищи), что у Михаила Васильевича в течение 8 суток было внутреннее кровоизлияние, и что таковое имеется и в данное время, в ослабленной степени. Сам Михаил Васильевич не придавал этому большого значения и уже на второй или третий день собрался на охоту в район горы Ай-Петри. Мы уговаривали его не ехать, так как вид у Михаила Васильевича был не совсем здоровый, и предлагали ему

сначала окрепнуть, а затем уже охотиться. Но уговоры не помогли, и мы вчетвером, Михаил Васильевич, тов. Шкирятов, доктор Мандрыка и я, несколько часов бродили по каменистым спускам Ай-Петри. Невзирая на неудачную охоту, Михаил Васильевич буквально переродился, повеселел, вновь стал попрежнему жизнерадостным, улыбающимся, добрым.

Все же заявления врача и состояние Михаила Васильевича заставили нас, отдыхающих, задуматься о здоровье Михаила Васильевича. Мы все видели, что Михаилу Васильевичу необходим прежде всего абсолютный покой, отдых. Я наотрез отказался ездить с ним на охоту, чем, конечно, огорчил моего друга. Но Михаил Васильевич не унимался, охотился на зайцев, был доволен, возбужден и мечтал о настоящей охоте.

Но, очевидно, кровоизлияние в желудочно-кишечном тракте давало себя чувствовать. Михаил Васильевич стал недомогать и слег.

Кончался отпуск тов. Сталина. Уезжая в Москву, тов. Сталин захватил с собой доктора Мандрыку, с которым мы условились, что в Москве нужно будет принять срочные меры для излечения Михаила Васильевича. Вскоре из Москвы приехали Розанов и Касаткин.

Целых две недели находился Михаил Васильевич под бдительным наблюдением врачей, и они пришли к твердому убеждению в необходимости операции.

Приезд московских врачей подействовал на Михаила Васильевича скверно. Он неоднократно доказывал мне, что он чувствует себя хорошо, что все недомогания скоро пройдут и пр. И только, когда анализ подтвердил кровоизлияние, Михаил Васильевич стал серьезнее относиться к состоянию своего здоровья и склонялся к мысли об операции.

29 сентября Михаил Васильевич вместе с нами, членами ЦК, выехал в Москву. Мы ехали на пленум ЦК, он—чтобы лечь в больницу и скорее отделаться от надоевшей, тягостной болезни. Предстоял испытательный период. Лежа в больнице, Михаил Васильевич, как всегда, обложил себя книгами, русскими, французскими, и терпеливо дожидался результатов врачебных наблюдений.

Мы часто и подолгу сиживали у него в 19-й палате Кремлевской больницы, и эта маленькая комната скоро сделалась своеобразным политическим клубом, где обсуждались и разрешались сложнейшие и разнообразнейшие вопросы.

Характерно для Михаила Васильевича его ненасытное желание знать, быть в курсе всех событий и участвовать самому в них словом и делом, требуя от друзей частых посещений и подробных информаций. Мы охотно выполняли его желания.

Не помню точно, 7 или 10 октября, мы с тов. Бубновым по обыкновению долго засиделись у Михаила Васильевича. По выходе от Михаила Васильевича мы узнали от доктора Левина, что сейчас собралось 17 лучших врачей и профессоров для консилиума. Мы не вытерпели и тут же спросили у доктора Розанова его мнение насчет необходимости операции. Он уверенно высказался за нее. Поздно вечером тов. Бубнов сообщил об единогласном решении консилиума делать операцию.

Я уехал кончать свой отпуск, уверенный в полном благополучии исхода операции. Да и как можно было беспокоиться, когда Розанов, Касаткин, с которыми мы так часто вели разговоры о здоровье Михаила Васильевича, убедили, уверили, что нет ни малейших оснований для тревоги. Я поверил. Поверил так, как поверили все, как спокойно и уверенно пошел под нож наш незабвенный, лучший из славных, друг и товарищ Михаил Васильевич.

31 октября вызывают к телефону и из Севастополя передают телеграмму Сталина. Узнаю страшную, чудовищную весть: „Фрунзе сегодня скончался от паралича сердца". Ужасно. Волосы шевелятся на голове. Сознание противится воспринять жуткую весть. Как? Почему? А врачи уверили нас. А Розанов? Ведь он так просто, так доказательно убеждал и Михаила Васильевича и нас. И мы поверили, мы убедились. Мы позволили. Нет! Но телеграмма... Сталин. Он вызывает немедленно. Стало быть, правда. Еду. По дороге, вместе с мельканием гор, чередой проходят дни, месяцы, годы совместной тяжелой и радостной работы с тем, кого как будто бы нет, с тем, кого любил, как брата.

Вот он молодой, живой, с ясным взором и чарующей улыбкой, Арсений, 19 лет тому назад. Пламенный борец и вождь иваново-вознесенских и шуйских пролетариев, присланный их авангардом—большевиками—на Стокгольмский с'езд партии.

Месяц мы провели с Михаилом Васильевичем вместе, а в памяти остался на всю жизнь.

Прошло 14 лет, тяжелых лет борьбы, тюрем, каторги, и мы снова встретились осенью 1920 г.

Первая конармия форсированным маршем движется с польского на врангелевский фронт.

Получается приказ нового командующего т. Фрунзе об ускорении марша армии. В конце сентября командующий вызывает либо меня, либо Буденного на совещание в Харьков. Тов. Буденный не может оторваться от армии, и я спешно, на паровозе, мчусь в Харьков.

Вагон главкома. За столом главком, начштаба тов. Лебедев и... кто это Фрунзе?.. глазам не верю. Радостная встреча—Арсений и Володя, перекрещенные революцией в их собственные имена и фамилии. Пожимаем друг другу руки. Оба возбуждены, рады неожиданной встрече. Так вот он кто — Фрунзе-Михайлов, о котором так много славных, граничащих с легендами вестей и слухов. Вот он, большевистский воспитанник иваново-вознесенских и шуйских ткачей.

Но... На столе огромная карта, а враг, последний враг русской революции, с удесятеренной наглостью пытается расширить район своих действий. Обсуждается стратегический план нанесения решительного, последнего удара барону Врангелю.

И вчерашний подпольщик—большевик Арсений с изумительной ясностью и поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции.

Главком тов. Каменев и Наштаресп тов. Лебедев внимательны, сосредоточены.

Незначительные замечания, краткий обмен мнений, и план, оперативный план большевика Арсения Фрунзе, утвержден.

Судьба Врангеля предрешена.

Через месяц снова встреча с Михаилом Васильевичем. Захудалая и разрушенная железнодорожная станция, вчера еще кишмя-кишевшая в панике бежавшими врангельцами.

В небольшой комнатке, в полумраке, собрались все высшие военноначальники, во главе с Михаилом Васильевичем. Враг разбит, но не добит.

Михаил Васильевич терпеливо и внимательно выслушивает соображения от всех своих ближайших соратников и тут же принимает решения о дальнейших действиях. А через десяток дней мы с Михаилом Васильевичем мчались в автомобиле по территории освобожденного Красного Крыма. А затем... затем совместная, долгая работа, сблизившая, сроднившая. И вот его нет... Нет лучшего из наилучших. Не стало полководца-вождя, не стало крупнейшего большевика-политика, перестало биться сердце кристально-чистое...

А жизнь идет своим чередом. Дело, которому служил и отдал жизнь незабвенный друг, попрежнему требует напряжения всех сил и воли. Воля на миг парализована... А сила... Нет, силы нас не оставили, и мы утверждаем—дело Михаила Васильевича Фрунзе—его дело—дело всего мирового пролетариата... И оно будет доведено до конца.

Вацлав Вацлавович Воровский

1871—1923

Я. С. ГАНЕЦКИЙ

ВАЦЛАВ ВАЦЛАВОВИЧ ВОРОВСКИЙ

ВАЦЛАВ ВАЦЛАВОВИЧ принадлежал к старой ленинской гвардии, был уже в старые подпольные времена ближайшим соратником Ленина.

В нем можно было наблюдать редкое сочетание качеств. Мягкий, спокойный, чуткий к человеческим недугам, он вместе с тем был решительным, беспощадным, когда дело касалось идеи, революционной партийной деятельности.

Спокойный мечтатель, с поэтической душой, он становится одним из лучших наших марксистов. При организации первых большевистских органов („Вперед", „Пролетарий") он принимает в них самое деятельное участие. Никто, как Воровский, не писал так ярко, так образно, вместе с тем так популярно и агитационно. Никто в своих статьях и брошюрах не представлял так красочно противоречия между гниющим капитализмом и социализмом, между буржуазией и пролетариатом.

Он был одним из лучших наших стилистов.

В своих выступлениях в нелегальной прессе, равно как и в легальной, Воровский всегда остается верен самому себе, своей идее. И здесь и там выступления его проникнуты одним и тем же духом, преследуют одну и ту же цель, по-марксистски разрешают все стоящие проблемы.

В легальной прессе он вскрывает гнойники русской дворянской интеллигенции, потерявшей свою дорогу, к чему-то стремящейся, но не находящей уже для себя никакой цели в жизни. Он беспощадно хлещет буржуазных писателей, которые, плетясь к хвосте „своего общества" и не найдя почвы под ногами, впадают в пессимизм и постепенно опускаются на дно и выкарабкиваются из него в темные дни реакции для того, чтобы цинично издеваться над истекающим кровью пролетариатом и его борцами...

Воровский писал под разными псевдонимами (Ю. Адамович, П. Орловский, Фави, Шварц). Оставшееся после него революционное наследие весьма ценно. Многие товарищи и организации все собираются переиздать его произведения, но пока дело не особенно двинулось вперед. Издана одна лишь книга Госиздатом в 1923 г.—„Литературные очерки", где собрана часть статей Воровского из легальной прессы.

В нелегальной прессе („Вперед", „Пролетарий") появлялись статьи Воровского без подписи. Многие из статей Воровского приписывались В. И. Ленину. Так, в изданных после Октябрьской революции собраниях сочинений В. И. Ленина (том VI) напечатаны статьи, автором которых был Воровский, что удалось установить по получении женевского партийного архива. К таким статьям принадлежат: „Всероссийский с'езд адвокатов", „Мир и реакция", „Революция и контр-революция" („Пролетарий", №№ 2, 17, 19).

Особенного внимания заслуживает статья № 10 „Пролетария"—„Корабль-скиталец", написанная по поводу взбунтовавшегося военного корабля „Князь Потемкин Таврический". Проникнутая революционным духом, она вместе с тем облечена в глубокохудожественную поэтическую форму...

Свой революционный бунтарский дух Воровский проявляет с самых юных лет. Здесь сыграло роль его польское происхождение,—семья его деда имела отношение к польскому восстанию в 1863 г.

и рассказы о героической борьбе повстанцев сильно действовали на ребенка.

На школьной скамье он выделяется среди других учеников. Враждебно относится к царской школе, к нелепым распоряжениям учителей. Уже тогда он славится своими остротами, своими памфлетами и сатирами против школьного режима.

К сожалению, не сохранились юношеские произведения будущего писателя. Из случайно уцелевших листков тетради Вацика видно, что он уже на школьной скамье проявил присущий ему в будущем сарказм. Из уцелевшего стиха, где он описывает „Наш класс" и развешенные по стенам портреты „знатных людей", приведем одно четверостишье:

„Прежде взглянем на даму мы эту—
Королеву, развратнее всех,
Английскую Елизавету,—
Не повесить ее было б грех".

По окончании гимназии в 1890 г. Воровский поступает в Московское Техническое училище. Здесь он принимает участие в студенческих движениях, организует кружки, налаживает связь с рабочими. На время коронации Николая Последнего, в 1896 г., Воровского высылают из Москвы. По возвращении он еще усиленней работает среди рабочих, ухитряется получать для них нелегальщину из-за границы.

В Москве тогда орудовал известный жандарм Зубатов. Он напал на след Воровского и арестовал его в 1897 г. Продержав в Таганке около двух лет, его ссылают в Вятскую губернию.

Тюрьма и ссылка закаляют Воровского. Здесь он углубляет свои познания по экономическим и политическим наукам, здесь из него выкристаллизовывается настоящий марксист.

После ссылки Воровский едет за границу. Он ищет связей с настоящими революционерами, настоящими защитниками рабочего класса. Здесь же он вскоре знакомится с Лениным.

В конце 1903 г., после II партийного с'езда, Воровский переселяется в Женеву и под руководством Ленина сотрудничает в „Искре". С этого времени он отдает себя полностью в распоряжение большевистской партии.

Трудно себе вообразить более дисциплинированного партийца. Он всегда скромно, без всяких возражений исполняет волю и постановления партии. Сегодня Воровский работает в партийной редакции в Женеве, завтра он едет в Одессу создавать партийные организации, то его опять посылают в Женеву, то на работу в Питер.

Всякую порученную работу Воровский выполняет блестяще. Он пользуется уважением и любовью местных товарищей. Его агитационная пропагандистская работа пускает глубокие корни в самую гущу рабочих.

Политические противники опасаются встречаться с Воровским на собраниях, опасаются дискуссий с ним. С свойственным ему спокойствием и сарказмом он высмеивает, разоблачает, уничтожает противника.

Своим спокойствием и иронией он изводит жандармов и при допросах, и в своих письмах из тюрьмы, которые в большинстве случаев не выпускаются на свободу. В одном таком письме, сохранившемся в жандармском архиве, Воровский пишет одному из товарищей: „... Не знаю, что мне собираются в вину поставить. Проверял грехи моей жизни, думаю, что это повторение третьегодней истории, ибо мой главный грех,—что я Вацлав Вацлавович Воровский, лицо запротоколированное, дактилоскопированное, занумерованное, прошнурованное и снабженное казенной печатью...".

До империалистской войны жизнь Воровского протекает на партийной работе, за исключением периодов арестов, тюрем и ссылок.

Октябрьская революция застала Воровского в Стокгольме, где он работает в качестве члена заграничного бюро Центрального Комитета партии.

Советское правительство оставляет его в Стокгольме и первым его назначает полномочным представителем за границу.

Уже здесь организуется покушение на его жизнь. Для этой цели создается специальная белогвардейская „военная организация для восстановления империи", работающая при непосредственном содействии англичан и американцев. Об этой белогвардейской лиге убийц Воровский написал в 1919 г. брошюру „В мире мерзости и запустения".

В 1919 г., после прекращения сношений со Швецией, Воровский стал во главе организующегося государственного издательства, и в этом деле—организации издательства для широких рабочих и крестьянских масс в новой советской обстановке—имел большие заслуги.

Вскоре его опять перебрасывают на работу по красной дипломатии.

В начале 1921 г. Воровский едет в Италию в качестве полномочного представителя Советского Союза. Он самоотверженно работает на этом тяжелом, опасном посту, где белогвардейская эмигрантщина и итальянские фашисты постоянно строят против него козни.

Воровский, в качестве члена советской делегации и генерального ее секретаря, принимает участие в Генуэзской и Лозаннской конференциях.

Ко второй стадии лозаннских переговоров англичане ухитряются не допустить советской делегации. Ее присутствие, ее разоблачения мешали Англии проводить план закабаления Турции. Воровский, однако, в Лозанну поехал.

Это было трудное для нас время, когда английские империалисты опять решили выступить против нас, когда в воздухе чувствовалось приближение керзоновского ультиматума. Почти вся лозаннская пресса ежедневно выступала с нападками на Воровского, требуя его высылки, угрожая, в противном случае, „стихийными“ вспышками.

Воровский ясно сознавал, что пребывание его в Лозанне в подобной провокационной обстановке угрожает его жизни. Он, однако, не думает об отъезде и остается до конца на вверенном ему советским правительством посту.

9 мая 1923 г. Воровский посылает доклад в Наркоминдел и как будто чувствует, что это его последнее послание.

В этом докладе, между прочим, находим: „...Нас хотят выжить, если не мытьем, то катаньем... В воскресенье заявилось ко мне несколько юношей, с каким-то аптекарем во главе... Я их не принял... Теперь они бегают по городу и кричат всюду, что заставят нас силой уехать из Швейцарии и т. п... За этими хулиганящими мальчишками ясно чувствуется чужая, сознательная рука... Поведение швейцарского правительства есть позорное нарушение данной в начале конференции гарантии, и всякие нападки на нас в этой архиблагоустроенной стране возможны только с ведома и попустительства власти. Пусть же и несут ответственность“.

10 мая в 10 час. вечера Воровского не стало. Злодейская пуля белогвардейского офицера прервала жизнь славного, долголетнего борца за пролетарское дело.

Виктор Павлович Ногин

1878—1924

А. И. РЫКОВ

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ НОГИН

УМЕР Виктор Павлович Ногин, неожиданно для партии и для рабочего класса. Умер в расцвете сил, когда его лучшие планы только начали осуществляться в жизни.

Тов. Ногин происходил из рабочей среды. Свою житейскую карьеру он начал с конторского мальчика на Богородско-Глуховской мануфактуре в 1893 г., затем подмастерья в красильной на фабрике Паля в Ленинграде в 1896 г. Виктор Павлович никогда не любил хвастать своим рабочим происхождением. Но в упорстве его характера, в настойчивости его революционной работы, в его бесчисленных побегах из ссылки в революционные центры рабочего движения, в твердости защиты им революционных лозунгов большевистского крыла рабочего движения—сказалось его пролетарское происхождение. Все досуги своей полной тюрем и ссылок жизни он посвящал самообразованию, и по своему развитию и образованию ни в чем не уступал лучшим интеллигентам нашей партии. Всю свою сознательную жизнь Виктор Павлович стоял в первом ряду тех членов партии, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть работы по организации нашей партии и по подготовке рабочего класса к Октябрьской победе.

26 лет своей жизни он провел в рядах партии, всегда в ее левой, ортодоксально-марксистской, большевистской части.

Виктор Павлович прошел все ступени партийной и революционной работы. Он был и пропагандистом, и литератором, и организатором, и неоднократно избирался членом Центрального Комитета партии. Начиная с X с'езда партии, он был обязательным членом и главой ревизионной комиссии партии. Текстильщик в прошлом, Виктор Павлович немедленно после Октябрьской революции взял в свои руки организацию советской текстильной промышленности и все время стоял во главе этой ответственной и трудной работы.

Цельность его гигантской революционной фигуры с особой яркостью сказывается в том, что он на протяжении многих лет соединял в себе и руководство ревизионной комиссией коммунистической партии и руководство текстильной промышленностью. Теперь много говорят об опасности отрыва советских работников от партии. В лице Виктора Павловича мы имеем высокий образец органического единства этих двух сторон нашей деятельности. Чистота его личности, твердость революционного закала, который получил этот пролетарий на протяжении двух с половиной десятков лет своей революционной работы, были настолько велики, что никому не могла притти мысль о том, что какая-либо отрицательная сторона нэпа может бросить хоть какую-нибудь тень на его работу и на его личность. А ведь он стоял по хозяйственной линии на том посту, вокруг которого скоплялась наибольшая муть нэпа.

Смерть Виктора Павловича совпала с открытием XIII с'езда партии. Каждый член и участник с'езда сознавал, что в лице Виктора Павловича мы потеряли талантливейшего пролетария-самоучку, который вырос в признанного вождя рабочего класса.

История нашей партии с самого основания многим обязана Виктору Павловичу; он много потрудился и над достижением тех успехов, итоги которым подвел XIII с'езд.

Нариман Нариманович Нариманов

1870—1925

МИХ. ПАВЛОВИЧ

НАРИМАН НАРИМАНОВИЧ НАРИМАНОВ

ТОВ. НАРИМАНОВ родился в Тифлисе в 1870 г.; он происходил из беднейшей тюркской семьи. Как рассказывал Нариманов, он с юных лет увлекался русской литературой: Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и др., и под влиянием этой литературы он впервые проникся идеями братства народов и интернационализма. Особенно глубокое впечатление произвело на юного Нариманова убийство Александра II, которое заставило его много думать о сущности царского режима и о причинах общего возмущения этим режимом.

В двенадцатилетнем возрасте тов. Нариманов поступил в горийскую учительскую семинарию. Здесь, в стенах семинарии, он написал первые два акта драмы „Невежество". По окончании семинарии тов. Нариманов получил место в селе Кизил-Аджал, Тифлисской губернии, где он впервые ознакомился с отсталой крестьянской жизнью того времени.

Пребывание в селе дало тов. Нариманову богатый материал, на основании которого он написал два последующих акта пьесы „Невежество", в которых он яркими чертами изобразил темноту тюркских крестьян. По окончании семинарии он перевел на тюркский язык комедию Гоголя „Ревизор". В виду того, что Кавказ находился под гнетом исключительных законов осадного, военного и полувоенного положения, эта пьеса попала „не в бровь, а прямо в глаз" местной бюрократии, державшей Кавказ в своих руках. Прослужив год учителем в сельской школе, Нариманов получил назначение в частную прогимназию в Баку, где он создает первую в мусульманском мире народную общедоступную библиотеку-читальню. В скором времени библиотека эта становится культурным центром не только для Баку, но и для всего Закавказья. К этому времени относятся его новые литературные произведения: „Надир-Шах" и „Бегадир и Сона".

В „Бегадир и Сона" выведен молодой студент-мусульманин, полюбивший девушку-армянку. Оба они решают отдать все свои силы на борьбу с национальной рознью, но погибают в непосильной борьбе. Умирая, Бегадир говорит: „Я боролся против национальных противоречий и погибаю в результате этих национальных антагонизмов, но я верю, что настанет время, когда исчезнет национальная рознь, и не будет слов: „ни грузин, ни армянин, ни русский, ни татарин".

Эта пьеса вызвала такое озлобление в рядах мусульманских реакционеров и духовенства, что тов. Нариманов чуть не пал жертвой покушения со стороны раз'яренных мулл.

В 30-летнем возрасте тов. Нариманов, желая теснее сблизиться с широкими народными массами и желая найти лучшее средство для такого сближения, приступает к изучению медицины, и в 1902 г. поступает на медицинский факультет Одесского (Новороссийского) университета. В 1905—07 гг. он становится во главе студенческих забастовок, и до сих пор бывшие одесские студенты помнят о его революционной деятельности, как руководителя студенческого движения против царизма. Затем Нариманов возвращается в Баку, где он играет выдающуюся роль в качестве второго председателя с'езда тюркских учителей Закавказья. На с'езде разыгрывается пресловутый инцидент с известным кавказским миллионером Тагиевым. Тагиев пытался оказать давление на с'езд в смысле

отказа от резолюции по вопросу о национальном самоопределении, принятой с'ездом по предложению Нариманова. Тагиев терпит позорное поражение на с'езде и вынужден уйти, после того как с'езд единогласно вотирует за предложение Нариманова и устраивает последнему овацию.

Деятельность Нариманова не ограничивается Кавказом и простирается далеко за его пределы. Как литератор, он корреспондирует во многие мусульманские газеты—турецкие, индийские и прочие; как политический деятель, он основывает первую персидскую социал-демократическую партию „Ичмаюн-Амиюн". Как это случилось? Почему закавказский революционер стал основателем персидской политической партии? Для того, чтобы понять этот факт, необходимо иметь в виду, что Закавказье, в годы под'ема русского революционного движения, жило общей жизнью с соседними странами: Персией и Турцией. Если генерал Алиханов-Аварский громил селения гурийцев в Западной Грузии, а полковник Мартынов расстреливал тифлисских рабочих, то другой царский полковник—Ляхов, разгонял и вешал персидских демократов в Тегеране. Этот нажим царизма рождал солидарность интересов, вызывал потребность в общем революционном действии. В особенности это чувствовалось после разгрома революционного движения 1905—06 гг.: закавказские революционеры, и в том числе Нариманов, пришли к совершенно правильному выводу, что все равно, где делать революцию, лишь бы это была революция. И вот мы видим, как кучка кавказцев — „фидаев", под предводительством армянина Ефрема, ниспровергает шаха Мемет-Али. Другая горсть героев-кавказцев выдерживает в течение 9 месяцев историческую осаду Тавриза. Любопытно отметить, что их чрезвычайно воодушевляет известие о младо-турецком перевороте. Не удивительно, что русские реакционные круги устами „Нового Времени" требуют „беспощадного искоренения преступников—фидаев", мотивируя это тем, что „и истинная гуманность требует жестокости".

За свою деятельность Нариманов подвергается ряду репрессий со стороны царского правительства, арестовывается, заключается в Метехский замок и высылается на 5 лет в Астрахань. До 1917 г. тов. Нариманов работает в подполье в организации „Гуммет", которая в 1918 г. сливается с коммунистической партией.

С первого же дня Октябрьской революции тов. Нариманов занимает место в первых рядах борцов за советскую власть в Закавказье.

В период временного торжества в Азербайджане соглашательских элементов тов. Нариманов пишет свои два известных письма председателю Азербайджанской республики Усубекову и духовному вождю Дагестана Нажмуддин-Гоцинскому, в которых он указывает, что единственное средство улучшения положения мусульманских масс—это переход на сторону советской власти. Эти письма в десятках тысяч экземпляров распространяются по всему Кавказу.

В 1920 г. тов. Нариманов назначается председателем Азербайджанского ревкома, а потом избирается председателем Совнаркома Азербайджанской республики.

Я лично познакомился с тов. Наримановым на с'езде народов Востока в Баку, одним из организаторов которого был покойный товарищ. Тов. Нариманов принимал участие в работах Совета действия народов Востока в Баку, и, несмотря на всю загруженность на собраниях, он находил время, чтобы помогать нам в работе Совета действия.

Я не знал человека более мягкого, более чуткого и более отзывчивого, чем тов. Нариманов. Тов. Нариманов знал, что победа над силами реакции может быть добыта только в результате кровавой борьбы, и он беспощадно подавлял контр-революцию и бандитизм. Но вместе с тем он отмечал, что контр-революционеры проливают кровь, отстаивая тот строй, при котором она будет литься всегда, коммунисты же вынуждены проливать кровь, чтобы добиться такого общественного строя, при котором каждая человеческая жизнь будет высоко цениться.

Тов. Нариманов близко принимал к сердцу интересы этих учреждений, был постоянным сотрудником журнала Ассоциации Востоковедения „Новый Восток", и в первом (седьмом) номере помещена его последняя статья „Год работы без

Ленина". В портфеле редакции имеется ряд писем и статей тов. Нариманова по вопросу об особенностях антирелигиозной работы на Востоке, которым автор их придавал большое значение.

За несколько дней до своей поездки в Тифлис на сессию ЦИК СССР тов. Нариманов говорил о своих литературных планах и рассказывал мне, что собирается переработать свой роман „Бегадир и Сона" для перевода на русский язык. Неожиданно смерть поразила тов. Нариманова, и через несколько дней после смерти великого китайского революционера Сун Ят-сена нам пришлось оплакивать смерть самого выдающегося деятеля пробудившегося Востока.

Как правильно указал тов. Тюрякулов в статье „По ленинскому пути" (см. сборник „Памяти Нариманова", Изд. Научной Ассоциации Востоковедения, 1925 г.), крупнейшей заслугой тов. Нариманова, выросшего в обстановке Кавказа, является то, что он первый, чуть ли не единственный из старого поколения тюркской интеллигенции в России, смело растоптал идол национализма и пошел по стопам тов. Ленина.

Он, как литератор, первый из тюрков имел мужество резко проводить идею международного братства в своих произведениях в тот период, когда на Кавказе, в особенности после тюрко-армянской резни, нельзя было и заикнуться среди мусульман о стыке с армянами („Бегадир и Сона").

Трудящиеся всегда будут помнить о тов. Нариманове, как об одном из великих вождей угнетенных восточных народов.

В. Володарский

1890—1918

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

В. ВОЛОДАРСКИЙ

ОБРАЗ ВОЛОДАРСКОГО, которого я знал недолго, но достаточно близко, всегда соединяется у меня со словом „трибун“. Я не знаю ни одного человека из всех виденных мною в жизни, которому больше подходило бы подобное звание. Сама наружность Володарского в этом отношении была замечательна. У него была голова римлянина. В АХРР'е было выставлено очень хорошее скульптурное воспроизведение облика Володарского, и по нему можно судить об этом римском складе головы его. Так и кажется, что Кай Гракх должен быть похож на него, как брат на брата.

Но, вместе с тем, в его голове, лице, выражении лица было и что-то от нашего времени, от самой глубины его. Правда, скорее американское, чем русское,—Володарский ведь долго жил и работал в Америке.

Он был словно скован из металла. Какая-то чеканка, какая-то граненость отмечала каждую черту и движение каждого мускула его замечательной физиономии. В его глазах было что-то электрическое. В них постоянно жило некоторое возбуждение, но оно отнюдь не имело ничего общего с истерическим экстазом. Это было именно какое-то горение всегда напряженной энергии. После второго и третьего разговора с ним я так и определил его в беседе с одним моим другом: металлоэлектрический человек. Голос у него был очень громкий, чрезвычайно четкий. Говорил он так, как будто бы печатал большими буквами, но голос этот был негармоничен и похож на лязг железа. Его жест был широк и повелителен,—плакатный жест, созданный для того, чтобы подчеркнуть слова перед многотысячной аудиторией. Его речи были главным образом угрожающими и разрушительными. То было боевое время. Володарский готовил вместе с другими Октябрь, защищал его в пору, когда он был со всех сторон окружен опасными врагами. Гневные, могучие речи Володарского возбуждали смешанное чувство страха и ненависти к нему у врагов Октября.

Володарский-журналист был такой же, как и Володарский-оратор. Газеты разносили огромному количеству людей его призывы. Статьи его были краткие, меткие, похожие на удар. Надо напомнить читателю, что в то время еще существовала значительная „свобода слова“, т.-е. мы не придушили еще одну за другой разного калибра змеиные газеты, которые шипели против нас и старались жалить пяту революции. Именно Володарскому было поручено по возможности обезвредить это шипение, а если нужно будет, то и прекратить его. Отсюда, конечно, особенный взрыв ненависти: Володарский-де душитель слова. Либералы метали против него громы и молнии. Он был революционный трибун по преимуществу и ненавистный „комиссар“ во весь рост. Но если Володарского ненавидели враги, то зато его обожал ленинградский пролетариат.

Эсеры подговорили маленького, горящего энтузиазмом, направленным вкось, рабочего,—этот экзальтированный и обманутый истерик стал оружием авангарда разозленной буржуазной партии эсеров и сразил Володарского.

Дни перед смертью Володарского были очень смутные. Все продолжающееся разрушение промышленности, отсутствие подвоза хлеба, смутьянство

всевозможных партий разлагали рабочий класс даже в его относительно передовых слоях. В день смерти Володарского Зиновьев и я были на Обуховском заводе, где нас перебивали выкриками с мест, где нам едва удалось окончить наши речи из-за скандала, устроенного, при известном попустительстве масс, продавшимися буржуазии меньшевиками и им подобной братией. На обратном пути с Обуховского завода мы узнали, что убит Володарский.

Враги думали, что нанесут удар только нам, нашей партии, но они нанесли мучительно болезненный удар в грудь самого рабочего класса. Как по мановению волшебного жезла, смута в ленинградском пролетариате прекратилась. Те колоссальные массы, которые оставались верными революции, смыли, как губкой, выступившие на поверхность пятна оппозиции, да и сами оппозиционеры сразу закрыли рты и замолчали перед могилой Володарского.

Когда я пришел прощаться с ним, у изголовья его стояла старушка. Я думал, что это его мать или родственница, но мне сказали, что это совершенно посторонняя женщина-работница, которая не хотела отходить от гроба. Она стояла, грустно качая головой, и все время что-то шептала. Я расслышал обрывки чего-то вроде древнего поэтического причитания. Эта крестьянка, прошедшая через фабрику, нашептывала лежащему в гробу спокойному и важному трибуну с прекрасным римским профилем: „Соколик ты наш ясный. Какой молоденький, сколько бы тебе жить еще, богатырь ты наш“...

Потеря, нанесенная партии со смертью Володарского, была огромна; но даже еще большие потери не могли и никогда не смогут ослабить непобедимого, бессмертного коллективного богатыря—рабочий класс.

Мирон Константинович Владимиров

1879—1925

Н. П. БРЮХАНОВ

МИРОН КОНСТАНТИНОВИЧ ВЛАДИМИРОВ

НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ участникам революционного советского строительства, поглощенным заботами и интересами сегодняшнего и завтрашнего дня, в высшей степени трудно восстановить в своей памяти во всей конкретности ту обстановку, в которой приходилось работать несколько лет тому назад, обстановку „военного коммунизма".

Стоявшие перед нами тогда задачи, волновавшие нас вопросы, условия нашей работы,—все было иным по сравнению с тем, что мы имеем теперь. Обстановка того времени столь же мало похожа на теперешнюю, как мало похож червонец на продовольственную карточку.

Боевым гражданским фронтом того периода считался и был фронт продовольственный. Снабжение продовольствием Красной армии и красных столиц, организация продовольственной работы—особенно в связи с продвижением красного фронта в хлебородных районах Юга (Украина)—были ответственнейшими, решающими задачами, от которых нередко зависел исход революционной борьбы на том или ином ее этапе, от которых зависели победа или поражение на том или ином участке нашей революции.

Решающими, наиболее ответственными годами продовольственной работы были 1918—21 гг.

В памяти бывших работников продовольственного фронта эти годы связываются с памятью об одном из лучших товарищей-продовольственников, с памятью о Мироне Константиновиче Владимирове.

Жуткие, трудные месяцы начала 1918 г. Подвоз хлеба к Ленинграду почти прекратился. С величайшим трудом, под наблюдением и при энергичнейшем содействии специальной „чрезвычайной" правительственной продовольственной комиссии, ежедневно собиравшейся в Смольном под председательством Троцкого,—удавалось буквально вылавливать на железнодорожных путях вагоны с хлебом и в экстренном порядке направлять их к красному Ленинграду. Едва ли не труднейшей задачей была задача организовать наиболее целесообразное и соответствующее политическим требованиям момента распределение прибывающего в недостаточном количестве хлеба среди ленинградских рабочих и гарнизона. Этим делом ведала ленинградская продовольственная управа, во главе которой и был поставлен Мирон Константинович.

В начале марта 1918 г. правительство переезжает в Москву. Мирон Константинович остается в Ленинграде на том же посту. На нем лежит ответственнейшая задача—организовать снабжение продовольствием столицы революции... И то, что эта задача оказалась разрешенной успешно (быть может, наиболее успешно для данного момента и в данной обстановке), следует в значительной степени приписать неутомимой, кипучей энергии Мирона Константиновича, его редкостному умению маневрировать, находить лучший путь для выхода из трудного, почти безвыходного положения...

1919 год. Деникин под Орлом. Все мысли, вся воля, вся энергия советского правительства сосредоточиваются на Южном фронте. Одной из важнейших задач организации обороны, организации победы на этом фронте—является задача организации продовольственного снабжения армии.

М. К. Владимиров, с февраля 1918 г. состоявший в коллегии Народного Комиссариата Продовольствия, назначается членом Реввоенсовета Южфронта, и в качестве председателя особой продовольственной комиссии Южного фронта принимает на себя выполнение этой ответственной задачи, крайне осложнявшейся разнообразием обстановки на различных участках растянувшегося от Царицына до западной границы фронта и стремлением отдельных армий по своему усмотрению использовывать продовольственные запасы, поступающие в их распоряжение, не считаясь с продовольственным положением других армий и ведя сепаратную продовольственную политику... Неутомимо, со всей свойственной ему энергией, беспрерывно перебрасываясь с одного участка фронта на другой, Мирон Константинович борется за об'единение продовольственной и снабженческой работы и за планирование ее в масштабе фронта... Припоминаю созванный им в декабре 1919 г. в Орле с'езд опродкомов всех армий фронта, с'езд, в котором довелось принять участие и мне. Это был уже переломный момент, это было уже подведение итогов, достигнутых в деле упорядочения и об'единения продовольственной работы на всем фронте. Южный фронт под руководством Мирона Константиновича становится не только регулярно и планомерно снабженным продовольствием фронтом, но из заготовленных на фронте хлебных запасов начинают составляться и отправляться маршруты для снабжения Москвы, для снабжения голодных рабочих центров, для снабжения Северного Архангельского фронта...

1920 год. Добровольческая армия Деникина разбита и отступает к Черному морю. Наши красные войска занимают Украину. Организуется украинское советское правительство. Мирон Константинович—народный комиссар продовольствия Украинской Республики. В сложнейшей обстановке Украины, не переживавшей ничего подобного тому, что пережили за 1918—19 гг. мы, в пределах РСФСР, в области продовольственных затруднений,—в обстановке кулацкого засилья в украинской деревне, в обстановке махновско-бандитских выступлений, охватывавших один украинский район за другим, пришлось М. К. Владимирову строить продовольственный аппарат, налаживать „по-советски" продовольственную работу, организовывать вокруг продовольственной работы советскую власть в украинской деревне. Провести на Украине в 1920 г. продовольственную разверстку, а затем в 1921 г. заменивший ее продовольственный налог и организовать завоз хлеба из Украины в Москву и на голодавший в 1921 г. юго-восток—можно ли придумать задачу труднее даже и для продовольственника?!

И эта задача оказалась по плечу и была блестяще разрешена Мироном Константиновичем. И здесь его неутомимая энергия и работоспособность, его умение не только работать самому, но и заставлять работать других, его редкостная способность маневрировать в самой сложной обстановке нашли себе полное применение и способствовали успешному разрешению труднейшей задачи...

В 1922 г. М. К. Владимиров покидает продовольственную работу. На смену продовольственной карточке идет червонец—и М. К. Владимиров переходит в ряды финансовых работников...

Памяти товарища-продовольственника, памяти Мирона Константиновича 1918—21 гг. посвящаются эти строки.

Вадим Николаевич Подбельский

1881—1920

А. М. ЛЮБОВИЧ

ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ПОДБЕЛЬСКИЙ

ВЕЛИКОЛЕПНЫМ советским строителем был Вадим Николаевич Подбельский, с апреля 1918 г. по февраль 1920 г. бывший народным комиссаром почт и телеграфов. Быть строителем, творцом — значит не только вести постройку, но и наметить всю ее перспективу. Это особенно трудно было сделать в те годы, когда одновременно со строительством пришлось вести борьбу, когда не были еще закончены гражданские бои. Но как раз в эту тяжелейшую для строительства пору в той области, куда партия направила В. Н. Подбельского—в народной связи, были настолько четко, умело набросаны пути ее развития, что нам не приходится менять их ни в одном из основных черт. И это, несмотря на то, что в 1918—20 гг. большая часть средств связи была предоставлена почти исключительно для гражданской войны.

Чтобы увидеть, как революция просто выдвигает, создает социалистических строителей, следует несколько остановиться на биографии тов. Подбельского. В устройстве связи преобладает техника. Тов. Подбельскому пришлось не только вести общее, направляющее руководство и непосредственно управлять технической организацией, но и больше того: учить матерых специалистов, как строить подлинно народную связь. По специальности тов. Подбельский был журнальным работником. Специализация его в области связи началась с октябрьских дней, когда он, будучи членом боевой пятерки, был назначен комиссаром почт и телеграфов Москвы после захвата Московской телеграфной станции. До этого, в февральские дни, он работал в качестве техника в газете „Социал-Демократ", органе Московского Комитета РКП, работал в районах, и избранный на общегородской конференции в Московский Комитет, прошел в ее исполнительную комиссию.

Вадим Николаевич был не менее кипучим, чем в советской работе, и в рядах партийной организации. С 1905 г. он был в числе активных большевиков. Высланный в 1908 г. в Вологодскую губернию, он вновь с 1912 г. участвует в рабочем движении. Если еще дальше заглянуть в биографические данные, то можно увидеть, что революционер-борец и строитель получил уже с детства боевое крещение. Вадим Николаевич родился в 1887 г., а два года спустя его отец, Паппий Подбельский, убит во время Якутской бойни. Мать Подбельского была осуждена на каторгу за участие в вооруженном сопротивлении полиции в Киеве. Маленькая подробность: взятый на воспитание после этого своим дядей, тов. Подбельский и получил от него отчество „Николаевич".

В какой обстановке пришлось тов. Подбельскому вести работу строительства? Не только управление, но и почтово-телеграфные пункты были необычайно бюрократичны. Весь аппарат прогнил. В прежнем руководящем составе и даже среди технических работников не было способных людей, и с трудом можно было найти ответственных администраторов в комиссариатском аппарате. Во вторую Октябрьскую годовщину тов. Подбельский отмечал в печати, как курьез, что, например, он не мог найти опытного инженера для заведывания телеграфным отделом, и из двух кандидатов, которые были выдвинуты из имевшихся инженерных сил,—первого нельзя было снять с работы,

а другой предпочел уклониться от этой ответственной работы, и пришлось поставить рядового механика вместо квалифицированного инженера. Саботаж давал себя чувствовать не только в первое время организации Комиссариата, но даже ко второй годовщине Октября он во многих местах, как, например, в Саратове, давал себя ощутительно знать. Эсеровско-меньшевистские настроения были живучи среди значительной части активных почтово-телеграфных работников. Этими настроениями проникался в значительной степени также и рядовой состав. Во время эвакуации города красными войсками обычно почти весь состав почтово-телеграфных работников оставался у белых. Дело доходило до того, что приходилось насильно эвакуировать технически необходимых работников в запертых вагонах, откуда они все же ухитрялись убегать. Новая революционная организация союза связи только начинала свою работу со средины 1918 г. А в это время фронт требовал проводов, аппаратов, телеграфистов, механиков. В то же время в Красной армии не было правильной организации связи, и Вадиму Николаевичу пришлось взяться и за военную работу. Та организация связи, которая была налажена через год после начала его работы, обязана была возникновением тов. Подбельскому.

А что представлял собой тот аппарат, посредством которого приходилось управлять связью в эту боевую пору? В одной из своих статей, которые не уставал писать тов. Подбельский в общей и в специальной печати, он приводит пример, что журнальная часть Комиссариата целыми месяцами держала у себя без всякого движения срочные бумаги и телеграммы, а некоторые из этих бумаг и телеграмм были обнаружены на частной квартире заведующего журнальной частью. Это было в центральном аппарате; а на почте в Москве, как писал Вадим Николаевич в своем первом докладе Совету Народных Комиссаров, городское письмо шло пять дней, телеграммы Совета Народных Комиссаров задерживались, и, наоборот, телеграммы с вызовом контр-революционных банд охотно передавались по назначению.

Значительно перетряхнув аппарат Комиссариата, реорганизовав его, Вадим Николаевич бросился сам на места, и то, что он увидел там во время поездок по целому ряду губерний — Тверской, Ярославской, Новгородской, Курской, — заставило его значительно перетряхнуть и местную организацию связи. На местах дело доходило до того, что даже от самого тов. Подбельского, как народного комиссара, в некоторых случаях не принимали служебных телеграмм. В одной из своих статей с наблюдениями и выводами о той обстановке, которая была в почтово-телеграфных учреждениях, он определил отношение служащих к представителям советской власти, как „бюрократическое хамство“. Советизировать аппарат связи на местах исключительно из центра было совершенно невозможно. Вадим Николаевич, в особенности во время поездок, связывал почту и телеграф с местными советскими органами, освежал состав почтовых учреждений новыми лицами из другой среды, и чем дальше, тем больше он мог уже опираться не только на выделившихся из среды связистов революционно-настроенных работников, но и на новую профсоюзную организацию, поведшую вместе с ним борьбу с остатками саботажа и контр-революции.

Такова была обстановка. И вот, в этой-то обстановке тов. Подбельский пишет книжку „Почта, телеграф и телефон в связи с социалистическим строительством страны“, в которой он, не ограничиваясь общими политическими и хозяйственными моментами, разбирает детально всю организацию связи лучше, чем это мог бы сделать любой из специалистов, находившихся в то время в ведомстве связи. Мне пришлось видеть на ряду с этой книжкой несколько трудов, предложенных на эту тему наиболее крупными специалистами, работавшими в то время в почтово-телеграфном ведомстве; и нужно сказать, что эта работа, как специальная в области связи, не могла найти конкурентов. Это после года работы в новой отрасли, с одновременным выполнением ряда партийных поручений, при военной и всякой другой нагрузке. Вот где сказалась яркая творческая способность одного из советских социальных инженеров.

Казалось бы также, что в это время нельзя было и думать о продвижении почты в деревню,

о почтовике, как в буквальном, так и в переносном смысле—носителе культуры. А между тем эту задачу поставил еще в 1919 г. тов. Подбельский: „Носителем культуры и просвещения, говорил он, должен явиться почтово-телеграфный пролетариат. В деревне нет газет и книг. Мы должны взяться за их широкое и энергичное распространение. Рабочий и крестьянин, не имеющий возможности быстро разобраться во всей новизне социалистического строительства жизни, нуждается в справках и указаниях. Мы должны организовать во всех почтово-телеграфных учреждениях хорошую справочную службу". С таким аппаратом эта задача оказалась настолько трудной, что год тому назад стало возможным преодолеть неимоверно бюрократическое отношение, которое проявлялось к крестьянству со стороны кадров мелких почтовых администраторов, только влив около десятка тысяч членов партии и комсомольцев и организовав доставку крестьянину газеты и письма, а также справочную службу, о которой говорил тов. Подбельский.

В том же году, когда тов. Подбельским писалась книга, организована была и Нижегородская радиолаборатория, носящая теперь имя Владимира Ильича. Тов. Подбельский был душой ее организации и привлек работающего до сих пор в лаборатории проф. Бонч-Бруевича к созданию радио-технической базы.

Тов. Подбельский в следующем году работы завоевал огромную популярность и среди связистов, где увеличивалось количество работников, проникавшихся советскими настроениями. К техническому средству, каким является связь, он привлекал внимание советских и партийных органов. И то, что намечалось им в перспективе, приходится сейчас еще считать задачей, не в достаточной степени решенной. В одной из своих статей, написанных еще в 1918 г., тов. Подбельский говорил, что связь только тогда будет отвечать творческому социалистическому началу, когда широкие массы смогут ею пользоваться. „И не первобытной почтой, расхлябанным телеграфом, развинченным телефоном. Мы должны взять из современной науки все самое ценное, все самое лучшее. Мы должны поставить почту и телеграф и телефон на самую совершенную высоту технической организации. И сделать так, чтобы благами этой современной культуры мог пользоваться каждый рабочий и каждый крестьянин".

Тов. Подбельский умер 25 февраля 1920 г. Во время одного из субботников он поранил себя ржавым гвоздем и получил заражение крови. Крепкий по натуре, чрезвычайно живой, работавший с крайним напряжением, он являлся одним из тех, кто с необычайной энергией, с огромным размахом вел социалистическое строительство в годы еще незаконченной борьбы.

Григорий Александрович Усиевич

1892—1918

М. И. ФРУМКИН

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ УСИЕВИЧ

ПЕРИОД 1908—10 гг. был самым тяжелым в истории революционного пролетарского движения в России. До конца 1905 г. нараставшая революционная волна влекла к новой выступившей силе—к рабочему классу—все интеллигентные слои, которые наперебой готовы были родными счесться с рабочими.

Когда пролетарские силы развернулись в 1905 г., буржуазия испугалась своего могильщика и вместе с царским правительством приняла все меры к ликвидации революции. Революционная волна падала, интеллигенция отходила, рабочий класс остался один, без этих „союзников". В 1908—10 гг. меньшевики агитировали за ликвидацию рабочей партии РСДРП. Звали на „малые дела" в легальные организации, профсоюзы, клубы, кооперативы при столыпинском режиме.

В эти тяжелые годы рабочего движения, мрачные годы реакции, пришел в партию один из немногих интеллигентов, Гриша Усиевич.

Он рос в мелкобуржуазной купеческой семье в непромышленном городе Тамбове, где царствовали покаянные настроения интеллигенции, где господствовали эсеры еще со времен Чернова, жившего там в конце 90-х годов. Еще мальчиком, в младших классах гимназии, Гриша принимает участие в кружках, становится на платформу социал-демократии. Окончательно он сформировался к 1907—08 г., когда вступает в Петербургский университет. Он оформляется как большевик, в качестве такового он принимает активнейшее участие в пролетарском движении столицы. Юношей 18 лет он уже попадает в Петербургский Комитет РСДРП(б), отдавая все свои силы организационной и пропагандистской работе. Скромный, как девушка, мягкий в личных отношениях, прекрасный товарищ, любимец всех окружающих и любовно относящийся к людям, он со всем пылом молодой души беспощаден в борьбе с меньшевиками и эсерами. Уже в те годы он обнаруживал недюжинные способности и солидные знания. Энергичная работа, как обычно, приводит его в конце 1909 г. в тюрьму—в дом предварительного заключения, в котором он просидел свыше двух лет.

Эти годы даром для него не пропали. Он усиленно занимается, овладевает немецким, французским и английским языками, изучает экономику и рабочее движение нашей страны. В декабре 1911 г. он попадает вместе со своими сопроцессниками, Канатчиковым, Панкратовым, Федоровым и другими, в ссылку на Чуну (северо-восток Канского уезда, Енисейской губ.). Прожив там 6—7 месяцев, он переезжает в село Тинское, Канского уезда, находящееся на линии железной дороги. Отсюда он начинает сотрудничать в „Правде", в журнале „Просвещение", в котором напечатана его первая большая статья по аграрному вопросу, за подписью „Г. Тинский". Затем он переезжает на станцию Иланское, на которой расположено оборотное депо. Здесь он связывается с железнодорожниками, организует кружки и продолжает вести свои научные занятия. Он часто наезжает в Канск, связывается с канской колонией, принимает участие в докладах, которые там часто устраивались.

Пишущий эти строки знал Гришу в детские годы, знал его студентом, когда он уже работал в ПК, часто встречался с ним в Канске при всех

его наездах и при поездках к нему. В ссылке перед нами уже был сформировавшийся революционер, с четкой и ясною мыслью, ставший на твердые позиции большевизма, с несомненными задатками занять свое место в качестве образованного и даже ученого марксиста. Его доклады на экономические темы были серьезно и вдумчиво проработаны и всегда интересны.

И в ссылке он пользовался всеобщей любовью и большими моральным авторитетом не только среди товарищей различных направлений, но и среди населения.

Ближайшие его друзья настаивали на том, чтобы он уехал за границу, где он мог бы продолжать свои научные работы. Мы чувствовали в нем будущую крупную научную силу. В июне 1914 г. Гриша бежал и попал в Австрию не совсем удачно. Началась уже война. Австрийское правительство арестовало его и заключило в концентрационный лагерь, как пленного. Лишь через год ему удалось, при помощи Виктора Адлера, выбраться из лагеря. Он переехал в Швейцарию и поселился вблизи Владимира Ильича и Надежды Константиновны, с которыми он поддерживал близкие отношения до возвращения в Россию после революции. В Швейцарии же он женился на Елене Феликсовне Кон.

По возвращении из-за границы Гриша был направлен на работу в Москву. Июнь, июль, август он работал в качестве секретаря городского района, принимал активное участие в выборной кампании, был гласным городской думы и членом Исполкома Московского совета (незадолго до Октября).

В октябрьские дни он был один за активнейших членов Военно-Революционного Комитета. Автор заметки в сборнике „Братская могила“ характеризует его работу в этот период следующим образом:

„Боевая обстановка, в которой приходилось работать в дни борьбы нашим товарищам, казалось, придавала тов. Усиевичу, всегда живому и бодрому, еще больше уверенности и силы. Ни на одну минуту, даже в самые опасные и критические моменты, он не колебался и верил в торжество победы восставших рабочих. Он всегда был сторонником решительных действий. В одну из острых минут, от которой зависел дальнейший исход борьбы, он выступил на гарнизонном собрании в Политехническом музее и своей блестящей речью привлек на нашу сторону колеблющихся. Был момент, когда некоторые из наших товарищей, под сильным вражеским напором, поколебались, но Усиевич остался тверд и непоколебим. Кончилась борьба на баррикадах. Явилась небольшая возможность направить внимание в сторону созидания, и тов. Усиевич, со свойственным ему пылом, бросается на более важную и трудную работу.

Для налаживания работы по продовольствию он в 1918 г. отправляется в Сибирь“.

Характеристика, данная автором вышеприведенных строк, вполне совпала с тем впечатлением, которое оставил Гриша при встрече с ним в Омске. Мы позволим себе привести те строки, которые мы писали в „Пролетарской Революции“:

„В середине апреля 1918 г. происходил в Омске продовольственный с'езд Западной Сибири. Вдруг, совершенно для меня неожиданно, появляется Григорий Усиевич, приехавший, как представитель Москвы, устанавливать взаимоотношения с Сибирью в продовольственной области. Гришу я не видал почти 4 года. Какая резкая разница! Женственно-мягкий ребенок в практической жизни, скромный, как девушка, предстал перед мною совершенно преображенным. В нем уже окреп борец, закаленный на баррикадах в Москве, беспощадный к врагам, настойчивый в проведении возложенной на него миссии. Как человек, пользующийся именем, он проводил по нескольку собраний в день, принимая близкое участие в работе продовольственного с'езда. На с'езде он выступил с горячей речью о союзе пролетарской Москвы с крестьянской Сибирью, продолжая потом принимать близкое участие в практическом разрешении продовольственных вопросов. Поразил меня Гришенька, человек не от мира сего, обретенной им революционной способностью ориентироваться во всех практических вопросах и находить удовлетворительные пути к их разрешению.

Желая закрепить Григория Усиевича за Сибирью, мы выбрали его в Экономический Совет Западной Сибири и добились от Москвы утверждения его в этой новой для него роли. Мы отпустили его за семьей в Москву 25 мая. Он возвращается вместе со Шлихтером из Москвы через Челябинск — Петропавловск, в день нашего первого столкновения с чехо-словаками под Марианов кой. Чехо-словаки захватили их в плен. Через день Шлихтеру и Усиевичу удалось оттуда выбраться вместе с делегацией чехо-словаков, которых они убедили вести с нами мирные переговоры. Они таким образом попали в Омск. Григорий Александрович был немедленно избран в Военно-Революционный Штаб. На него была возложена организация новых отрядов. Не зная ни минуты отдыха, он носился с собрания на собрание, выделяя новых борцов, вдохновляя колеблющихся, сплачивая ряды, отличавшиеся слабой дисциплинированностью.

Наша борьба кончилась поражением. Мы вынуждены были на пароходах отходить по Иртышу. По дороге нашими захватывались все пароходы, направлявшиеся в Омск. Образовалась флотилия в 32 парохода, которые решено было направить на Тавду (около Надеждинского завода) под прикрытие Урала. Гриша отказался поехать на Тавду. Он с небольшой командой отправился на возможный ближайший фронт к Тюмени. Там царило полное разложение в рабочих массах. Представители советской власти и партийной организации бестактностями подорвали всякое к себе доверие. Меньшевики и эсеры раздували это недоверие. Дошло до того, что рабочие потребовали выбора революционного штаба на широком собрании беспартийных. Григорий Усиевич был назначен председателем революционного штаба немедленно по приезде, 13 июня. Через 2—3 дня ему удалось завоевать полное доверие рабочих. Своей особенностью — полным бесстрашием, которым, как мне передавали, он отличался в Москве,—ему удалось сплотить ряды, ввести дисциплину и вызвать героизм. Массы почувствовали, что во главе их стоит настоящий революционер, душой и телом преданный пролетарскому делу. Бой за Тюмень затянулся до конца июня. Пришлось эвакуироваться. Усиевич, во главе тюменского отряда, отступил к Камышлову. Вблизи этого города он сделался жертвой своего бесстрашия.

Передавалось много вариантов его гибели под Камышловым. По проверенным мною данным, подтвержденным тов. Черных (красноярский машинист, впоследствии командир дивизии на Северном фронте), находившимся в том же отряде, тов. Усиевич погиб при следующих обстоятельствах. Около 25 июля отряду сообщили, что в направлении Камышлова идет казачий отряд. Григорий Усиевич, захватив с собой 10 человек, отправился на разведку. Казачий раз'езд окружил их в лесу. Нескольким товарищам удалось спастись. Остальные, в том числе Гриша, пропали. Отряд обшарил весь лес, нигде не удалось найти трупа Усиевича".

По другой версии произошло следующее:

„По окончании операции в Западной Сибири тов. Усиевич перебрался в Камышлов для сдачи рот. Во время стоянки, пользуясь свободным временем, Г. А. Усиевич отправился на один из ближайших заводов с 10 стрелками для проведения митинга. По дороге они встретились с казаками. Завязался бой. Усиевич первый, с винтовкой в руках, бросился на врага. Первая же вражья пуля сразила его. Это было 9 августа 1918 г.".

Правдоподобнее первое, ибо около Камышлова нет значительных заводов. По одной и другой версии очевидно, что он растерзан казачьим отрядом.

Он пришел в стан рабочей борьбы юношей и погиб молодым, на 27 году своей жизни. Он славно жил и погиб на боевом посту. Недаром чтут его память московские пролетарии.

Долго, долго сохранят в своей душе этот светлый образ все те, кто когда-либо встречался с Гришей Усиевичем на жизненном пути.

Артем (Федор Андреевич Сергеев)

1883—1921

А. З. КАМЕНСКИЙ.

АРТЕМ (ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ СЕРГЕЕВ)

МЫ ГОТОВИМСЯ праздновать десятилетие существования советской власти—завоевание Октябрьской революции. Нам, оставшимся в живых, еще предстоят многие и многие трудности, но как ни велики эти трудности и в союзном и в мировом масштабе, наше дело значительно облегчается самым фактом десятилетнего существования единственной в мире страны пролетарской власти. Нами приобретен громадный опыт строительства и руководства страной, нами завоеван кадр сторонников во всех странах мира, нашими агентами являются лучшие слои пролетариата любой страны, и это, главным образом, делает нас несокрушимыми.

Эти завоевания дались нам нелегко. Мы пришли к ним через горы трупов борцов, отдавших свою жизнь на благо завоевания коммунизма. Мы потеряли в боях крупнейших руководителей, ряды старой гвардии редеют. Все меньше и меньше остается закаленных в боях стариков—их опыт в борьбе надо суммировать и передавать молодому поколению, идущему к боям—решительным боям за мировую революцию. Вот почему надо об отдельных погибших крупных товарищах писать не простые некрологи, а книги о их жизни и деятельности. Пусть из них молодежь черпает уроки борьбы и стойкости.

О тов. Артеме еще многие напишут, но мы отметим несколько отдельных моментов из жизни Артема в период гражданской войны.

Артем в 1900 г., еще 19-летним парнем, студентом Московской Высшей Технической школы, попадает на 4 месяца в тюрьму, после выхода из которой уезжает на два года в Париж, где и пополняет свое образование. С 1903 по 1911 г. он проводит колоссальную партийную работу в Екатеринославе, Харькове, на Урале. За это время, несмотря на то, что он бывал удивительно неуловим, умудряясь удирать из-под самого носа полиции, попадает в тюрьмы Харькова, Перми, в ссылку; и из тюрем и из ссылки удирал, вновь попадал в руки полиции, водворялся „по месту жительства“ и в 1910 г. бежал в Корею, оттуда в 1911 г. попадает в Австралию, где работает грузчиком, ведя и там агитационно-пропагандистскую работу. В 1914 г. ведет агитацию против войны, и в Австралии, как и в Харькове и в Екатеринославе, завоевывает симпатии рабочих.

1917 год. Февральская революция застает Артема в Австралии. Он спешит в Россию. В мае он уже в Луганске. Здесь он пробыл пару дней и на мои просьбы остаться работать отвечает, что в Луганске видно не так плохи дела, есть кадр в организации. Надо спешить в Харьков, там засилие меньшевиков. Он едет в Харьков; телеграфирует о своем приезде в совет, где было большинство меньшевиков, вводит их этим в заблуждение—они решают, что Артем с ними, и помещают приветственную статью, но Артем отвечает статьей в нашей газете „Пролетарий“. Он громит меньшевиков, и бой начался. Не было почти ни одного номера их газеты без какой-либо ругани по адресу Артема, которого они прозвали „красно-кожий“. Да, не раз этот „краснокожий“ приводил их в бессильную ярость, и задолго до Октябрьского переворота харьковский пролетариат был в руках нашей партии, и главная заслуга в этом Артема. Артем выступает, пишет в газете, руководит

харьковской организацией и областным парткомитетом Донецко-Криворожского бассейна.

Октябрьские дни Артем проводит в Ленинграде. Возвращается в Харьков в декабре. В это время Донбассу угрожает Каледин, всей Украине—Винниченко—Петлюра. Город за городом на Украине, начиная с февраля—марта, почти без боев, занимается гайдамаками и немцами. Среди нашей украинской организации разногласия. На кого опираться в борьбе: на Киевщину или на Донбасс? Разбиваются на правобережников (Киев) и левобережников (Харьков, Донбасс). Артем во главе левобережников. Нами была образована Донецко-Криворожская республика с председателем совнаркома тов. Артемом. В апреле Харьков уже был под угрозой, в нем формировались красногвардейские части, и активнейшее участие в этом принимал Артем вместе с тт. Рахимович и Колей Рудневым (последний геройски погиб в обороне Царицына). В апреле я приехал в Москву. Помню, зашел к покойному тов. Свердлову, и он, улыбаясь, показал мне ноту германскому правительству, посланную Артемом от имени нашей Криводонбасовской, как ее называли тогда, республики, с требованием не вторгаться в пределы ее, „как не входящей в состав Украины" (немцы ведь тогда шли под флагом помощи Украине). Артем грозил Вильгельму оружием рабочих. Пока я возвратился из Москвы, Харьков уже пал. Донбасс был как бы котлом, в котором вываривалась отряд за отрядом красная гвардия, формируемая из рабочих Донбасса. Активнейшим творцом ее был Артем.

Недолго мы оставались на Украине. В последних числах апреля 1918 г. мы оставили Луганск и пошли на Дон. Тот переход, который мы совершили в течение двух месяцев, от Луганска до Царицына, через весь контр-революционный Дон, займет не малое место в истории нашей гражданской войны, но пока об Артеме. В этом походе „безумства храбрых" некоторым из нас казалось, что немцы на Дон не пойдут, и на ст. Миллерово мы начали было разворачивать аппарат Донецкого исполкома. Сюда (Миллерово—узловая станция) начали стекаться эшелоны со всех сторон. Каждый эшелон представлял собой отдельный отряд, либо несколько из них вместе—какую-нибудь украинскую „армию". Эшелоны имели огромнейшие ценности, заключавшиеся в разном имуществе, главным образом, в большом количестве вооружения и снаряжения; дезорганизованные отряды требовали их отправления „формироваться",—куда, собственно, никто не знал, но ждать не хотели.

Мы уже решили осесть и создать базу на будущее, помышляли и о возвращении в Донбасс.

Начались переговоры с казачеством, но не надолго. Накануне 1 мая и казаки, в то время уже восставшие, и немцы начали наступать. Удержать рвущиеся эшелоны было трудно, многие ринулись на Чертково по дороге в Воронеж, но часть их попала к немцам, занявшим в это время Чертково, и у нас остался лишь один путь—Лихая—Царицын. Я должен отметить, что исторический ход событий был в нашу пользу, ибо не займи немцы Чертково, мы ушли бы все на Воронеж, и судьба Царицына была бы иная, его заняли бы восставшие казаки, и их соединение с чехо-словаками через Саратов было бы легко и возможно.

Трудно отдельными штрихами описать картину отступления с Миллерово по одной линии через Лихую к Царицыну, и в этой работе сдерживания дезорганизованной массы первую роль играли Артем вместе с Ворошиловым. Ст. Лихая. Впереди взорван казаками мост, двигаться некуда, а немцы и казаки напирают, надо удержать узловую станцию Зверево, выиграть время для починки моста, и Артем на броневике, увлекая других, удерживает Зверево. 5 мая, первый день Пасхи, Лихая обстреливается из орудий, все побежало: как пешие, так и кавалерия. Орудия, пулеметы, повозки, эшелоны с имуществом, семьями рабочих, все брошено; где-то с кучкой, рискуя жизнью, выдерживает натиск Ворошилов.

Между скачущими кавалеристами, бегущей пехотой, артиллерией появляется с маузером в руках Артем. В эту минуту я вспомнил о прозвище, данном ему меньшевиками: „краснокожий". Да, он был страшен, дик, он стаскивал с лошадей, он хватал десятки бегущих, в его лице было столько воли, решимости, что эти тысячи не осмелились его ослушаться. Не прошло и часа, как

он, при помощи Руднева, заставил остановиться бегущих. Прошла ночь, мост исправлен, и мы переправились через Донец.

Только наличие ряда таких бойцов, как Артем и Ворошилов, могли сделать то, что более 60 эшелонов и несколько десятков тысяч беженцев в эти часы катастрофы не погибли.

После еще нескольких боев мы подошли к станице Морозовской, и оттуда я и Артем были посланы для связи с центром в Царицын, куда, отбиваясь от казаков, на броневике мы и прибыли 20 мая, и не напрасно. Сил, как мы надеялись, в Царицыне не было. На второй день путь к нашим частям был перерезан, и здесь Артем вместе с Серго и Мининым принялись за организацию связи наших частей с Царицыным. Вскоре он уехал на Северный Кавказ, где положение осложнялось...

Май 1919 г. Мы с Артемом опять в Донбассе, в Бахмуте, деникинцы наседают. Неожиданно Бахмуту грозит непосредственная опасность. В нашем распоряжении несколько часов ночи. Артем, как и в 1918 г., сдерживает бегущих, организует эвакуацию Бахмута. Ст. Лиман. Эшелоны, части уже более организованные, чем в 1918 г., но паника, нет дисциплины, и здесь никем не назначенный Артем берет на себя руководство и наводит порядок.

Июнь, июль. Деникин угрожает Харькову. Меня и Артема вводят в революционную тройку комендатуры города, но здесь Артем недолго. Он берет на себя руководство одним из опасных боевых участков вблизи Харькова. Этим мы выигрываем несколько дней, Харьков значительно успешнее эвакуируется.

Отход на Сумы-Ворожбу, фронты, неудача за неудачей, нужна воля, сила, влияние—и всюду Артем. Он все время налаживает фронт, и его присутствие не раз давало свои положительные результаты. Артема никто не назначал, а все же он оставался на фронте, и лишь в августе—сентябре свалившийся, в тифе, был доставлен в Москву.

Гражданский фронт ликвидирован—нужно приниматься за мирное строительство. Особенно скверно обстоит дело на окраинах, и Артема ЦК отправляет в Башкирию.

Там нужна особая выдержка...

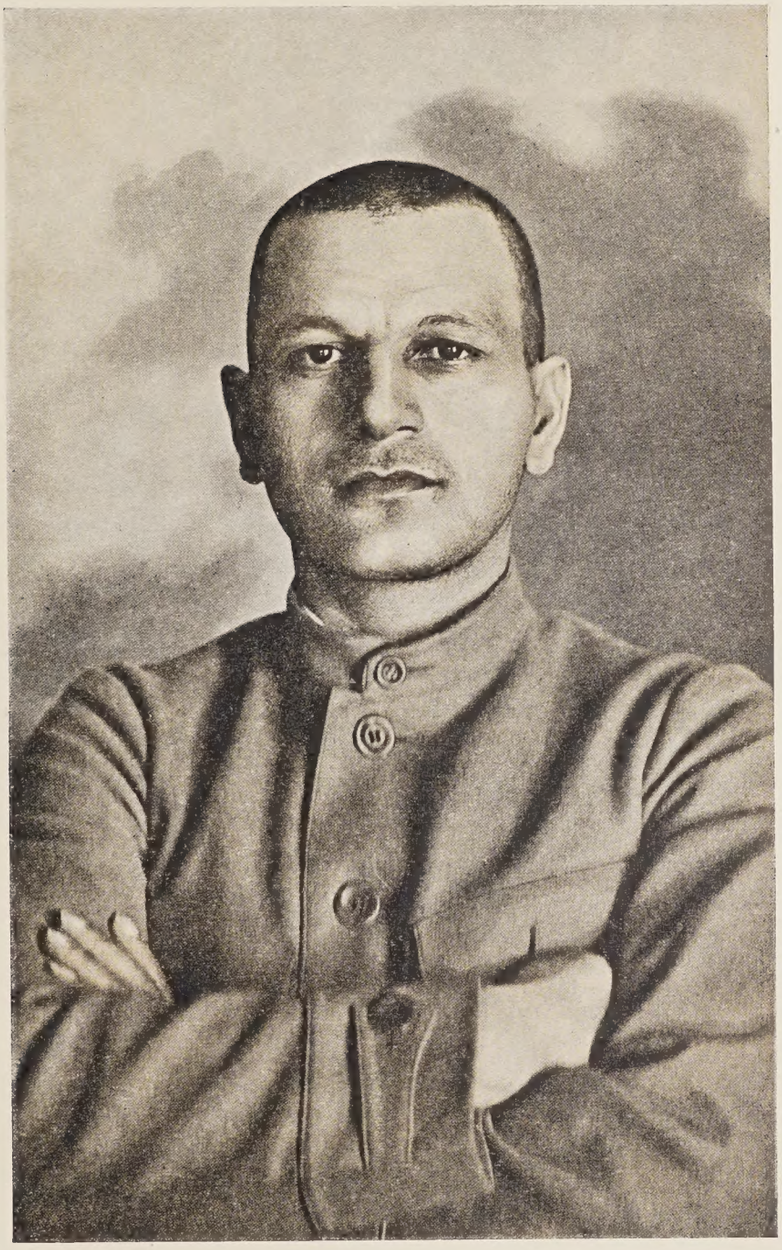
Восстанавливается Донбасс. Артем избирается председателем Донецкого губисполкома. Но в это же время необходимо послать делегацию к английским тред-юнионам, и председателем ее ВЦСПС избирает Артема.

В конце 1920 г. Артем—секретарь Московского Комитета партии. В 1921 г. он избирается председателем ЦК союза горнорабочих.

Артем задумывает организацию Интернационала горняков, но увы, в июле 1921 же года, выехав с делегатами Коминтерна в аэро-вагоне для ознакомления с заводами Московского района, Артем погиб вследствие крушения аэро-вагона.

Так оборвалась жизнь, еще полная энергии. Не стало Артема. Когда я получил эту ужасную весть в Ростове-на-Дону, я подумал, что именно так и должен был окончить жизнь Артем. Вся его жизнь была полна огнем борьбы. Этот факел, зажигавший пролетариат на борьбу не только в России, но и по целому ряду стран,—Артем—не мог умереть иначе: живя ярко—он ярко погиб.

Мы празднуем десятилетие октябрьских завоеваний, но вокруг нас лязг зубов, вой шакалов империалистов всего мира—нам предстоят бои. Пусть же ярким светочем встанет перед каждым бойцом революции мощная фигура Артема, пусть каждый идет в бой с такой же верой, решимостью, мужеством, как шел Артем,—и победа коммунизма во всем мире будет обеспечена.



Александр Федорович Мясников

1886—1925

В. Г. КНОРИН

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ МЯСНИКОВ

СРЕДИ старых членов нашей партии—старой гвардии—есть три основные группы: первая—люди 90-х годов, те, кто основал партию, кто вынес на своих плечах первую революцию; вторая—это те, кого выдвинула революция 1905 г. и навсегда связала с революционным движением, рабочим классом и большевистской партией, и третьи—это люди периода нового под'ема, эпохи „Звезды" и „Правды". Мясников принадлежал ко второй из этих трех групп. Он как социал-демократ оформился в 1905—06 гг., будучи 20-летним юношей.

Александр Федорович Мясников—по-армянски Мясникьян—родился 9 февраля (н. ст.) 1886 г. в Нахичевани-на-Дону, в мещанской армянской семье. После смерти отца семья сильно бедствовала, поэтому мать уже на восьмом году жизни Александра Федоровича определила в монастырскую школу близ Нахичевани, где он провел четыре года. Здесь он впервые изучил армянский язык, так как в детстве говорил только на нахичеванском диалекте и по-русски. По окончании этой школы А. Ф. поступает в Нахичеванскую армянскую семинарию, полный курс которой кончает в 1903 г.

Эти учебные заведения положили сильный отпечаток на А. Ф. Мясникова. Здесь в нем развилась любовь к литературе, как русской, так и армянской, которой он впоследствии посвящал значительную долю своих досугов от революционной работы. Отсюда берет начало его литературно-критическая работа, которая оказала заметное влияние на новую армянскую литературу. Наиболее крупная литературная работа А. Ф. Мясникова в этой области— „О значении поэзии Ов. Туманьяна"—посвящена творчеству одного из наиболее выдающихся армянских писателей, близкого Александру Федоровичу.

В этих полудуховных учебных заведениях Мясников начал свою общественную работу в культурнических и националистически-революционных ученических кружках. Здесь впервые получают выражение те черты характера Мясникова, которые сделали из него крупного политического работника. По окончании семинарии его некоторое время увлекает армянское революционно-националистическое движение, но он скоро от националистических влияний освобождается и уже с конца 1904 г. начинает примыкать к русскому социал-демократическому движению.

В великую эпоху двадцатилетний юноша увлекается марксистской литературой и окончательно оформляет свое социал-демократическое мировоззрение. Летние каникулы 1906 г. он проводит в родной Нахичевани, вступает в местную организацию РСДРП и начинает по поручению партии вести пропагандистскую работу среди рабочих.

Вернувшись осенью в Москву, он продолжает партийную работу, но через несколько месяцев—провал, его арестовывают, он бежит и попадает на партийную работу в Закавказье, в большевистскую бакинскую организацию, где работает до 1909 г., одновременно участвуя в работе армянской социал-демократии.

Прошло уже порядочно времени после первого ареста. Мясникову удается вернуться в Москву, где он в 1911 г. кончает юридический факультет, а потом работает в качестве помощника

присяжного поверенного, одновременно участвуя в партийной жизни в качестве литератора и лектора.

В эти годы Мясников, помимо своей текущей работы, изучает Маркса, Плеханова, Каутского, Ленина. Если он в революцию вошел всесторонне образованным марксистом, прекрасно разбирающимся в вопросах философии, сравнительно хорошо знающим экономику и умеющим приложить марксистский метод в различных областях своей многогранной литературной и лекторской работы, то только благодаря серьезной теоретической работе в эти годы некоторого затишья в его практической партийной деятельности.

Война. Мясникова мобилизовали как прапорщика запаса. Все время войны он проводит в тыловых частях и только накануне Февральской революции попадает на Западный фронт. Обстановка военного времени и отсутствие на местах оформленных организаций мешает регулярной партийной работе, но кое-какую работу Мясников в части ведет, кое-какие связи имеет, и на второй день после Февральской революции он уже на гребне революционной волны.

Начинается для А. Ф. Мясникова широкая массовая работа среди четырехмиллионного фронта.

Задачею нашей партии на старом империалистическом фронте было поддержать стихийный рост революционности масс, подорвать старую военную командную иерархию и вести пропаганду интернационализма и революционного выхода из войны. Только очень немногие работники Западного фронта и г. Минска с первых дней революции с достаточной ясностью представляли себе эти задачи. В числе этих немногих был Мясников. Он еще до февраля в своей части об'единил вокруг себя группу пораженчески настроенных товарищей. С февраля он неуклонно с большевиками и после приезда Ленина целиком присоединился к его тезисам.

6—7 апреля в Минске открывается I фронтовый с'езд солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. На этом с'езде Мясникова почти никто из руководителей с'езда не знает. Но его выступления производят на всех сильное впечатление ясностью и четкостью большевистской партийной линии и сильным революционным темпераментом, и он сразу становится в рядах руководящей большевистской группы фронта и вместе с немногими другими большевиками (тт. Фрунзе, Любимов, Кривошеин, Фомин и др.) избирается в фронтовой исполнительный комитет. Положение нашей большевистской группы в меньшевистско-эсеровском фронтовом комитете было чрезвычайно трудное. Но тов. Мясников, несмотря на препятствия, находил средства связаться с фронтом в обход исполкомзапу. Поскольку фронтовой комитет препятствует широкой большевистской пропаганде, постольку А. Ф. переносит часть своей работы в Минский совет, где большевистская группа пользуется значительно большим влиянием. Он становится одним из руководителей большевистской фракции Минского совета, и под его руководством фракция вступает на более определенный и твердый большевистский путь.

Начиная с Февральской революции, в Минске существовала об'единенная организация РСДРП, в которую, при меньшевистском большинстве, входили и большевики. После фронтового с'езда назревает ее раскол. Тов. Мясников за раскол возможно скорее, но он за то, чтобы из об'единенки увести возможно большие массы и взять ее довольно богатую кассу.

Вместе с тов. Любимовым и другими он берется за это дело. И результаты блестящи. В итоге нескольких недель работы большевистская часть минской об'единенки численно поравнялась с меньшевистской, и раскол, по мнению всей тогдашней минской большевистской группы, стал возможным и необходимым.

После оформления большевистской организации Мясников сразу берется за дело.

Он читает лекции по злободневным вопросам партийной тактики в одном из лучших театральных помещений Минска и собирает тысячную аудиторию. Его язык, его уменье популярно излагать самые сложные мысли и с сегодняшнею злобою дня связывать большевистские лозунги привлекают на эти лекции все революционно-настроенное население Минска и оставляют глубокий след.

На ряду с этим он раз'езжает по многочисленным войсковым частям с докладами о текущем моменте, о завоевании власти советами и пользуется редкой популярностью. Он организует шестинедельные политические курсы при исполнительном комитете фронта. На курсы приходят неискушенные в партийной борьбе солдаты-массовики. Под его влиянием к концу курсов абсолютное большинство курсантов за большевиков. Возвращаясь на фронт, они составляют первую большевистскую группу агитаторов, которая об'единяет вокруг партии солдатские и рабочие массы.

Этим не исчерпывается его деятельность. Вместе с рядом старых членов партии он еще в июне месяце поднимает вопрос об организации партийной газеты. В результате появляется боевая популярная газета „Звезда", редакторами которой были А. Ф. Мясников, М. В. Фрунзе и В. В. Фомин. Но фактически газетой руководит один Мясников. Он подбирает группу молодых журналистов, которые работают вместе с ним. Он сам изо дня в день пишет едкие, зажигательные передовицы, которые привлекают внимание всей солдатской массы и сближают ее со „Звездой" и партией.

Рядом с газетой нужна была массовая популярная брошюра. Тов. А. Ф. Мясников организует издательство Северо-Западного областного комитета партии, в котором в больших тиражах переиздаются популярные брошюры Ленина, Зиновьева, Колонтай и др. Для этого издательства он сам написал под псевдонимом А. Мартуни пару прекрасных популярных брошюр, в том числе одну об эсерах.

Наступают памятные июньские дни, а в связи с ними всеобщая временная растерянность в Минске, неверие, что нам удастся скоро восстановить свое влияние на фронте, недооценка революционных солдатских масс. Это толкнуло на коалицию с меньшевиками при выборах в городскую думу. Но А. Ф. был одним из тех, кто уже в ходе самой кампании признал эту ошибку и повел дальнейшую работу партии к тому, чтобы ее исправить. Вернувшись с VI с'езда РСДРП (большевиков), на который он был делегирован минской организацией, он начинает работу по организации вооруженного восстания на фронте и в Минске. Базой для этой работы выбирается Минский совет. После каждого очередного пленума Минского совета происходят заседания представителей вооруженных частей гарнизона, на которых ведется учет настроений частей, учет сил противника, учет оружия, находящегося в наших руках. Все это приводит к решительному перелому в настроениях революционной солдатской массы.

Если армейские комитеты на фронте так легко перешли в руки большевиков, если штаб Западного фронта не оказал поддержки Керенскому, то лишь благодаря той серьезной партийной работе, которая была проведена в Минске и на фронте Северо-западным областным комитетом большевиков.

После октября А. Ф. Мясникову пришлось побывать на всех отраслях работы: на военной, советской, литературной, партийной.

В дни Октябрьского переворота он становится во главе Минского ревкома, но после победы уходит на военную работу, передав руководство советской работой другим. К советской руководящей работе он возвращается уже в конце февраля 1918 г. в Смоленске, после перенесения сюда Западного областного исполнительного комитета (облисполкомзапа), становясь его председателем. В начале 1919 г., после германской революции, он входит в состав правительства Белорусской Советской Республики, вначале как заместитель председателя правительства и народный комиссар по военным делам, а впоследствии как председатель ЦИК Белоруссии, но фактически за первые три месяца существования Белоруссии он был единственным авторитетным его руководителем.

На II фронтовом с'езде в ноябре 1917 г. он был почти единогласно избран главнокомандующим Западного фронта. Он был первый выборный командир. Но на его долю в послеоктябрьский период выпало не ведение военных действий, а заключение мира и демобилизация фронта. С последней, наиболее трудною задачей Мясников справился удовлетворительно. К началу наступления немцев, к 18 февраля 1918 г., из прифронтовой

полосы была вывезена почти вся тяжелая артиллерия, около 60% легкой артиллерии, и только незначительная часть фронтового имущества попала в руки немцев.

Летом 1918 г., когда началось чехо-словацкое восстание, Мясников был назначен командующим нашими отрядами против чехо-словаков. Но вскоре после этого оставляет этот пост. На VIII с'езде РКП он принимает активное участие в разработке решений по военному вопросу, в 1919 г. работает как военный организатор при Московском Комитете РКП, а летом 1920 г. назначается начальником политуправления Западного фронта. Наконец, в Закавказье в последние годы своей жизни он работает как член РВС ККА и член РВС СССР.

Литературная, лекторская и партийная работа тов. Мясникова все время переплетаются одна с другой.

Будучи председателем Западного областного комитета партии в 1918 г. в Смоленске, он посвящает много внимания организации губернской партийной школы—одной из первых наших партийных школ и сам преподает в ней. По организации Смоленского университета он занимает в нем кафедру преподавателя политической экономии. То же повторяется везде, где работает тов. Мясников. Школа, музей, университет—всегда под его особым вниманием.

Под его особым вниманием также газета. В Минске и Смоленске он редактирует „Звезду". В Москве основывает и редактирует „Коммунистический Труд", в Тифлисе—„Зарю Востока", в Эривани—„Хорурдайн Айастан". Кроме того, он участвует в ряде других русских и армянских газет и пишет брошюры: „За партию", „Беспартийные конференции", „О национальном вопросе", „Армянские политические партии за рубежом" и др.

В партийной работе тов. А. Ф. Мясникова особое место занимает его кратковременное пребывание секретарем Московского Комитета в самые трудные годы для московской организации. Внутренние разногласия в организации были в то время очень сильны. Нужна была твердая рука организатора, чтобы об'единить организацию и изжить идейный разброд. Отличительная черта Мясникова, как секретаря, заключалась именно в том, что он подтягивал организацию к единой партийной линии и вел упорную борьбу против сепаратизма отдельных районов и отдельных групп товарищей. Период, когда Мясников работал в Москве, требовал напряжения всех сил для поддержки фронта гражданской войны. Мясников создал при Московском Комитете специальный отдел по военной пропаганде и руководству гарнизоном, чем оказал большую услугу военному сплочению партийной организации. В то же самое время Мясников впервые ставил вопрос о поднятии теоретического уровня московской организации. Он широко ставил пропагандистскую работу, отдавая ей значительную долю своих сил. Он об'единял вокруг московской организации основные кадры партийных теоретиков для пропагандистской и литературной работы.

Необходимость усиления фронта заставила его в скором времени оставить московскую организацию и перейти на руководящую работу на Западном фронте.

На одном из собраний, посвященных памяти тов. Мясникова, в Москве, один из бывших работников Армении, тов. Лазьян, сказал: „Когда я в 1921 г., на второй день после занятия советскими войсками, пришел в Эривань, там не было населения. По улицам ходили красноармейцы, партийные работники—и только. Страшно было это. И в этой стране, в Армении, где вы не найдете кусочка, не обрызганного кровью и не содержащего костей человеческих, перед новыми ужасами гражданской войны население бежало в Персию. В этой стране, превратившейся в пустыню, тов. Мясникову нужно было создать, во-первых, компартию, во-вторых, советскую власть. Тов. Мясников сумел построить и партию и власть в стране, где широко распласталось невежество, где страшная национальная вражда. Он пользовался здесь самой широкой популярностью и любовью всех слоев населения".

А. Ф. Мясников был назначен председателем Совнаркома Армении. На его долю выпало создание армянской партийной организации и аппарата советской власти в стране, превращенной в руины.

Нужны были колоссальный личный авторитет и энергия для того, чтобы справиться с этой задачей. Когда Мясников уходил из Армении, там была уже крепкая и сплоченная партийная организация, крепкий государственный аппарат, и настроения широких масс повернулись в сторону полной и безусловной поддержки мероприятий советской власти.

В 1922 г. началось строительство Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики. Нужно было преодолеть национальные противоречия трех закавказских республик. Нужно было организовать их сотрудничество на советских началах. Все закавказские республики выставили кандидатом в Союзный Совет вновь образовавшейся ЗСФСР тов. Мясникова, как человека, прекрасно знающего хозяйственные и культурные особенности Закавказья, умеющего проводить линию содействия росту каждой отдельной из них и в то же самое время чуждого националистическим уклонам. Через некоторое время тов. Мясников был избран секретарем Закавказского Краевого Комитета РКП (б). На этой работе ему пришлось вести еще более упорную работу по об'единению и согласованию экономических и культурных интересов закавказских советских республик. На этой работе он пользовался безусловным доверием и любовью всех партийных организаций и безусловными симпатиями широких масс населения. Один из видных армянских эсеров после смерти Мясникова дал о нем следующий отзыв: „Вы знаете, что я до сих пор не согласен с вами, но знайте одно, что в тех группах, где я вращаюсь, все до единого признают Мясникова крупным государственным работником, человеком, который сделал больше чем кто-либо на Кавказе, что это первое лицо в истории хозяйственного и государственного строительства в Закавказье".

Это свидетельство противника нашей политики в Закавказье больше чем что-либо другое говорит про личную роль тов. Мясникова в деле закрепления нашего влияния в закавказских республиках. Только при наличии таких руководителей наша партия могла справиться с теми чрезвычайно крупными задачами, которые перед нею стояли в этом крае, имеющем свои особые культурные и политические традиции.

XIII с'ездом РКП (б) Мясников был избран кандидатом в члены ЦК РКП (б). Перед ним стояла широкая возможность подняться к всесоюзной руководящей партийной работе. Но его жизнь оборвала страшная катастрофа. Отправляясь в Сухум на с'езд советов Абхазии, вместе с товарищами Могилевским и Атарбековым, он погиб от пожара на аэроплане при самом поднятии аэроплана с аэродрома в Тифлисе. Точных причин катастрофы не удалось установить.

Наша партия в лице тов. Мясникова потеряла одного из крупнейших своих работников, человека большого ума и больших организаторских способностей. Он унес в могилу еще неиссякшие силы и только еще развертывающиеся организационные и теоретические способности. Он принадлежал к поколению, которому еще нет смены, которое само еще должно сменять на руководящей работе более старое поколение наших партийных работников.

Он далеко не исчерпал всех возможностей, которые перед ним стояли. Тем более тяжела была эта утрата для нашей партии.

С тем большей горестью все наши партийные организации отмечали эту тяжелую для нас потерю.

Инесса Стефановна Арманд

1879—1920

Н. К. КРУПСКАЯ

ИНЕССА АРМАНД

ТЕ, кто близко знал Инессу Арманд, сохранили о ней память, как о чрезвычайно яркой и светлой личности, как о стойком, горячем борце за социализм.

Инесса родилась в 1875 г. Полуфранцуженка, полуангличанка, Инесса жила со своей теткой, дававшей уроки французского и английского языка в доме фабрикантов Арманд. Инессу все очень любили. Никаких разговоров о революции, рабочем движении и пр. Инесса не слыхала. 18 лет она вышла замуж за Е. А. Арманд, с которым она росла вместе. Семейная жизнь ее сложилась счастливо, и первое время она вся ушла в ребят, которых у нее было пятеро. Но Московская губерния, где жила Инесса,— не глухая деревня. По мере того как росло рабочее движение, оно все больше и больше захватывало Инессу. В 1904 г. она едет в Швейцарию, знакомится там с сутью разногласий между большевиками и меньшевиками, становится большевичкой и по возвращении из-за границы начинает работать в московской организации партии.

В революции 1905 г. Инесса принимала активное участие. Первый раз ее арестовали 6 января 1905 г. При ликвидации московской группы партии эсеров (у Инессы была родственница эсерка) делают обыск у Инессы и находят у нее склад нелегальной литературы, но не эсеровской, а эсдековской. Арест не отпугнул Инессу. Она начинает работать еще энергичнее. Летом 1906 г. Инесса работала в качестве ответственного пропагандиста в Лефортовском (Бауманском) районе. Инесса об'единяла вокруг себя всех пропагандистов района, которые большею частью состояли из учащейся молодежи высших учебных заведений. Изредка собирались пропагандисты на квартире у тов. Инессы для разбора программы и методов занятий в кружках с рабочими. Часто Инесса бывала на собраниях рабочих в Лефортовском районе в Анненгофской роще, Измайловском зверинце (лес за Семеновской заставой) и за рекой Яузой. Первые два места были для широких открытых собраний и митингов, за Яузой же созывались узко организационные собрания и пропагандистские кружки.

Рабочие этого района были в то время очень отсталыми — кондитеры, пекаря, текстильщики и др. Большая часть их являлась сезонными рабочими и была тесно связана с деревней. Многие из них были неграмотны; условия жизни были таковы, что о самостоятельном чтении дома книжек не могло быть и речи. Жили в общих спальнях: мужчины, женщины, дети — теснота и грязь. Несмотря на такую отсталость массы, Инесса все же сумела близко подойти к ней и заинтересовать ее. Инесса вела пропаганду со свойственной ей настойчивостью. Она находила достаточно простых слов, чтобы самые серьезные разногласия с меньшевиками сделать популярными и доступными на половину неграмотной аудитории. Рабочие напряженно слушали. После таких собраний и слушатели и Инесса расходились в бодром, приподнятом настроении. К концу лета по конспиративным условиям пришлось переменить район, из Лефортовского перейти в Железнодорожный. Весной 1907 г. Инесса была арестована по делу Военного союза. Не успела она освободиться по этому делу, как в июне 1907 г. была вновь арестована

на собрании узлового комитета Всероссийского союза железнодорожников и выслана в отдаленный уезд Архангельской губернии, в гор. Мезень, откуда в 1909 г. скрылась за границу.

Подводя итоги этого периода работы Инессы, надо отметить ее энергию, определенность взглядов, наличие серьезной подготовки и талант пропагандиста.

Клавдия Тимофеевна Свердлова в 1921 г., проводя собрание в Мытищенской волости, верстах в тридцати от Москвы, слышала, как один рабочий коммунист, пользовавшийся особой любовью рабочих, рассказывал про себя. 17-летним подростком он стал посещать подпольный кружок, которым руководила Инесса Арманд. Он рассказывал, как ее беседы поднимали настроение, пробуждали веру в победу. Образ убежденного революционера, будившего рабочего-массовика, указывавшего ему путь к борьбе и победе, ярко встал перед аудиторией, когда рабочий рассказывал о занятиях в кружке, которые вела Инесса.

Сначала Инесса поселилась за границей, в Брюсселе, где посещала университет и усердно училась, а год спустя, осенью 1910 г., перебралась в Париж.

Тяжелое это было время. В России царила реакция во-всю, и это отражалось на эмиграции. Шла острая внутрипартийная склока: разрыв, с одной стороны, с меньшевиками, с другой — с впередовцами, и тогдашнему большевистскому центру, в который тогда входили Ленин, Зиновьев, Каменев и который опирался на парижскую большевистскую группу, жилось тогда нелегко. Инесса вошла в парижскую группу, где работали тогда тт. Семашко, Владимирский, Казаков (Бритман), Сапожков (Николай Васильевич), Беленький и ряд других товарищей. Публика здорово голодала, здорово нервничала. Инесса ни в малейшей мере не была заражена какими-либо упадочными настроениями и внесла в работу группы много бодрости.

Парижская группа вела большую работу, переписывалась с другими большевистскими группами, сплачивала заграничных большевиков. Работа эта была необходима потому, что рабочие массы начали вновь подниматься после годов реакции. Летом 1911 г. решено было устроить в Париже партийную школу для рабочих которые бы приехали специально из России в эту школу, чтобы в спокойной обстановке хорошенько позаниматься, приобрести побольше теоретических знаний. Их должны были послать партийные организации. Школа была построена не в самом Париже, а верстах в десяти от Парижа, в деревушке Лонжюмо („Длинная кобыла“, как мы в шутку ее называли). Там было меньше толкотни, легче было ближе познакомиться. В Лонжюмо поселились Ленин и Зиновьев. Там же поселилась и Инесса. Ее дом сделался центром. У нее поселились три вольнослушателя—тов. Семен (Шварц, теперь председатель союза горняков), тов. Орджоникидзе (Серго, теперь председатель ЦКК), тов. Бреслав. Тут же была устроена общая столовая, где кормились все ученики и тов. Ленин с семьей. Ученики были все видные рабочие, которые потом сыграли немалую роль в движении. В числе их, кроме вышеупомянутых вольнослушателей, был екатеринославский рабочий Зевин (расстрелянный на Кавказе в числе 26 бакинских большевиков), московский рабочий кожевник Присягин (расстрелянный белыми на Урале), киевский рабочий Чугурин (работает теперь в Питере), Догадов (Павел, теперь член президиума ВЦСПС), Белостоцкий (работает теперь на Урале), Анюта Васильева, питерский рабочий Георгий, ивановознесенский — Василий, киевский рабочий Малиновский, Андреев — один из самых подготовленных. Владимир Ильич и Зиновьев читали большие курсы, Инесса читала курс политэкономии. Та товарищеская атмосфера, которая создалась, в значительной степени создана была Инессой. Ученики уехали в Россию, на работу. Зимой 1911—12 г. все внимание уже было направлено на укрепление связей с Россией, на помощь русской работе. В 1912 г. была конференция в Праге, на которой окончательно сорганизован был большевистский центр, проработаны все основные вопросы. Весной тт. Ленин и Зиновьев, а потом и Каменев, перебрались в Краков, поближе к русской границе, чтобы наладить теснее связь с Россией и писать в „Звезду“ и „Правду“, которые стали выходить в Питере. Инесса поехала, по поручению ЦК,

на работу в Россию—завязывать связи, помогать восстановлению нелегальной организации, проводить большевистскую линию. Она начала работать в Питере. Там из большевиков работали тогда, кроме них, тт. Сафаров, Шотман, Рахья, Правдин. Нелегальной организации в это время в Питере не было, были отдельные кружки, не связанные между собою, имевшие весьма смутное представление об общем состоянии дела. Вышеназванные товарищи завязывали связи, проводили на рабочих собраниях решения январской конференции, проводили массовки, помогали восстановлению нелегальной организации.

Удалось восстановить ПК. Организация стала быстро расти. Инесса работала, не покладая рук. 14 сентября 1912 г., проработав 2—3 месяца, Инесса была арестована. Тов. Сольц пишет: „Работала тов. Инесса недолго, но эта работа оставила значительный след, ибо во всех пролетарских районах Питера услышали большевистское слово, познакомились с требованиями, выставленными большевиками, познакомились, как должны бороться, как организовываться для предстоящей борьбы, чтобы в нужный час к ней быть готовыми. Я попал в районы после нее, я нашел уже распаханное поле, и если мы могли во время выборов в IV Государственную Думу выдвигать своих уполномоченных и в организационном смысле занимать господствующее положение, то происходило это потому, что выборам предшествовала подготовительная работа, в которой Инесса принимала значительное участие".

В тюрьме Инессе пришлось сидеть в очень тяжелых условиях, без передач, без свиданий. В тюрьме она нажила себе туберкулез, правда, в легкой форме. Осенью 1913 г. Инессе удалось вновь уехать за границу.

Инесса приехала в Краков и близко стала к большевистскому центру, жившему в Кракове очень замкнутой жизнью. В конце декабря 1913 г. Инесса уехала в Париж, заехав предварительно в ряд городов и сделав там доклады в большевистских группах. И дальше она работала над укреплением большевистской организации за границей, над ее сплочением. Из Парижа писала она в питерскую „Работницу" под псевдонимом Елены Блониной (в Кракове мы часто ходили гулять на луг, по-польски „блонь").

Летом 1914 г. Международное бюро, отражая оппортунистическую точку зрения II Интернационала, сделало попытку вмешаться в русские дела и осудить деятельность большевиков. Большевистский центр составил заявление в Международное бюро, где было заявлено, что большевики считают неправомерным вмешательство бюро. Инессе было поручено прочесть на Международном бюро это заявление. Она мужественно выдержала всю бурю негодования, обрушившегося на большевиков за это заявление.

В августе 1914 г. разразилась империалистическая война. Она придала всей деятельности большевиков международный характер. В своей работе по пропаганде большевистских идей среди швейцарских, французских, немецких, английских рабочих тов. Ленин нашел в Инессе деятельную помощницу. Она прекрасно знала языки, она горячо сочувствовала взглядам Владимира Ильича, она была и переводчиком писем Ленина к иностранным товарищам—этих первых документов Коммунистического Интернационала, и раз'ездным агентом, и представителем на первых международных собраниях интернационалистов.

Инесса провела громадную работу по подготовке женской международной конференции 1915 г. На этой конференции Инесса страшно отстаивала линию большевиков.

После международной женской конференции имела место международная конференция молодежи. Инесса была делегаткой от большевиков и на этой конференции. Была Инесса и на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, проделала там большую работу по переводу резолюций, заявлений большевиков. Перед Кинтальской конференцией она ездила под чужим именем в Париж для завязывания связи с французами, она перевела на французский язык брошюру Ленина и Зиновьева „Социализм и война". Парижская группа издала и распространила эту брошюру.

Вернувшись из Парижа в Швейцарию, Инесса продолжала вести работу среди швейцарской молодежи, среди швейцарских работниц.

Вместе с первыми товарищами, проехавшими через Германию, — тов. Лениным и другими, она возвращается в Россию и едет работать в Москву. В Москве Инесса вела четкую, революционную линию, выступая на с'ездах и конференциях. Два года Инесса была членом Московского губисполкома и губкома, была членом бюро Московского губкома. Долгое время Инесса была председателем Губсовнархоза. Кроме того, постоянно выступала на митингах и пр.

В губернии Инесса особо энергичную работу вела среди работниц и пользовалась среди них громадной популярностью. От Московской губернии она несколько раз выдвигалась и состояла членом ВЦИК.

В конце 1918 г. Инесса вместе с тов. Мануильским была послана во Францию в качестве официального представителя Красного Креста Советской России. В то время это поручение было очень ответственным.

По возвращении Инесса почти целиком отдается работе в Центральном отделе работниц. Она налаживает в „Правде" „Страничку работницы", пишет популярные брошюры, входит в редакцию „Коммунистки". На ряду с этим Инесса проделывает громадную работу по организации работниц и крестьянок; главной ее работой являлась организация делегатских собраний. В области работы среди работниц и крестьянок Инессой сделано много, она направляла эту работу с первых шагов, часто советуясь с тов. Лениным, как лучше организовать эту работу. Результаты этой работы мы видим каждодневно.

Первую международную конференцию, происходившую во время II конгресса Коминтерна (в 1920 г.), пришлось проводить Инессе.

Инесса так много работала, что к концу еле держалась на ногах.

После конгресса Инесса поехала на Кавказ с больным сыном. Страшно усталая, она вначале чувствовала себя совсем больной. Колоссальная работа отняла у нее силы. В это время шла гражданская война. Пришлось эвакуироваться. Дорогой Инесса заразилась холерой и умерла. Надорванный организм не справился с болезнью.

Инесса была незаурядным членом партии. Четкость революционной линии, мужество, неутомимая энергия были ее отличительными чертами. В то же время это был человек очень глубокий, самостоятельно дорабатывавшийся до своих убеждений, чуткий товарищ. Все свои силы она отдала коммунистической партии.

Владимир Михайлович Загорский

1883—1919

О. А. ПЯТНИЦКИЙ

В. М. ЗАГОРСКИЙ

С ТОВАРИЩЕМ ЗАГОРСКИМ я познакомился в Москве в 1906 г.

Мне приходилось с ним встречаться, но эти встречи были „деловые", на-ходу. Тогда я совсем не интересовался его биографией—кто он, откуда он взялся и куда он делся, когда вместо него явился другой товарищ на деловую встречу от Городского района. Единственно, что я знал о нем, это то, что он работает в Городском районе московской парторганизации, и что он геройски дрался в районе Божедомки в бывшей Кушнеревской типографии во время московского вооруженного восстания в конце 1905 г.

В конце 1910 г., когда я жил в Лейпциге и занимался транспортом заграничной партлитературы в Россию, я получил письмо от тов. Надежды Константиновны Крупской, в котором она сообщала, что в Лейпциг приедут Загорский с женой, к которым можно отнестись с полным доверием.

Тов. Загорский оказался тем товарищем, которого я знал в Москве под кличкой „Денис".

В Лейпциге не было ни политических, ни экономических русских эмигрантов, поэтому казалось, что никакой политической деятельности для профессионала-революционера, каковым был тов. Загорский, не будет. К тому же никаких средств к жизни у тов. Загорского не было, а без знания языка трудно было найти какой-нибудь заработок в Лейпциге. Товарищ Загорский, как многие профессионалы-революционеры, не один раз был в таком положении. Он не унывал. И действительно, очень скоро тов. Загорский преодолел обе трудности.

В Лейпциге, как и в других германских университетских городах, было много русских студентов. У них был свой студенческий союз, библиотека, читальня и столовая. Во всех этих учреждениях всегда толпилась русская публика. У нас—большевиков, хотя была группа содействия, но связь с русской студенческой колонией у нее была очень слабая, так как она была малочисленная, и не все члены ее могли показываться в студенческих учреждениях, в которых бывало немало русских шпиков.

По приезде Загорские сразу вошли в лейпцигскую группу содействия большевистскому центру и стали появляться в учреждениях русского студенческого союза. Тов. Загорский стал часто выступать на общих собраниях студенческого союза, и этим наша группа не только завоевала себе определенное положение среди русских студентов, но группе удалось расширить свой состав за счет студентов, которые сочувствовали большевикам, и войти в постоянный контакт с группами содействия Бунда и с.-д. Литвы и Польши. Этим самым всем трем группам содействия удалось получить большинство в правлении студенческого союза, что дало возможность использовывать фирму союза для устройства платных лекций, рефератов, вечеров и продавать литературу вышеназванных организаций.

Найти службу тов. Загорскому удалось лишь в начале 1913 г., а до этого времени он занимался увеличением фотографических карточек, дачей домашних обедов и т. д. В конце 1911 и в начале 1912 г., когда мне пришлось в Лейпциге по поручению большевистского центра организовать

прием из России делегатов январской Пражской конференции и отправку их обратно в Россию, тов. Загорский оказывал мне энергичную помощь. А когда в 1912 г. мне пришлось уехать из Лейпцига, я передал тов. Загорскому все дела по транспортировке литературы, переправе через границу товарищей, которые отправлялись на работу в Россию, и все дела по связи вообще.

Тов. Загорский остался в Лейпциге до мировой войны. В начале войны немецкие власти интернировали его, как русского подданного, и отправили в Гриму, маленький городок недалеко от Лейпцига, где он пробыл до и после Брестского мира.

После Брестского мира тов. Загорский был назначен секретарем полпредства в Германии. Летом 1918 г. я вновь встретился с тов. Загорским в кабинете тов. Свердлова. Это был тот же энергичный, преданный революционер-большевик, веселый, с тонким юмором шутник, и хороший, милый товарищ. Денис остался тем же, каким он был в 1906 г., когда я с ним познакомился, и каким я его оставил в 1913 г., когда я через Лейпциг направился в Россию.

При случайной нашей встрече у тов. Свердлова тов. Денис выразил желание остаться в Москве на партработе, и через несколько дней он уже приступил к работе в МК в качестве зам. секретаря (секретарем МК был тогда тов. Ефремов), а когда тов. Ефремов отправился с группой мобилизованных московских коммунистов на фронт, тов. Загорский был избран секретарем МК, каковым он остался до своей смерти.

Московский Комитет партии до об'единения московской городской с московской губернской организацией в мае 1920 г. не избирался на общегородских конференциях, а составлялся из представителей районных организаций пропорционально численности членов партии в них. Для тов. Загорского было сделано исключение—он был избран членом Московского Комитета на общегородской конференции 15 октября 1918 г. Когда тов. Загорский был избран секретарем МК, я точно не знаю, но это, по всей вероятности, совпало с официальным введением его через общегородскую конференцию в МК. Хотя Московский Комитет часто собирался, но он рассматривал лишь крупные принципиальные вопросы. Решение спешных вопросов, подготовка к заседаниям МК, выполнение постановлений последнего лежало на исполнительной комиссии МК, которая состояла из 5 товарищей, из коих 4 работали постоянно вне МК: Беленький—в Пресненском райкоме, Цивцивадзе—в Московском Ревтрибунале, потом секретарем в Московском Совете, Кахиани—в Замоскворецком райкоме и я—в железнодорожном районе и в других железнодорожных административных и профессиональных организациях (перед взрывом в помещении МК 25 сентября 1919 г. вместо тов. Кахиани, который уехал на Кавказ, вошел в исполнительную комиссию тов. Мясников, ведавший военным отделом МК), и лишь тов. Загорский работал целиком в МК. Да и аппарат МК был невелик. У секретаря МК был один технический работник, агитпропотдел состоял из двух работников, военный отдел и отдел работниц состояли из стольких же работников (штат платных работников районов тоже был мизерный).

Между тем, МК и московская организация проделали за 1918—19 гг. громадную работу и притом при неслыханно трудных условиях. Вся работа МК в то время была сосредоточена на помощи фронту, обеспечении продовольствием и топливом рабочего населения и на том, чтобы держать в курсе всех событий в стране, за границей и на фронтах рабочих и работниц фабрик и заводов Москвы. Для обеспечения боеспособности фронтов гражданской войны московская организация проводила мобилизацию за мобилизацией. Много тысяч членов московской организации были отправлены на все фронты. Больше того, московская организация немало товарищей послала для работы в те места, которые уже были заняты Красной армией. Десятки и сотни отрядов выделила московская организация в продовольственные отряды и в колонны для раздобывания топлива для Москвы. Что же касается постоянных агитационных кампаний о текущих событиях, то Московским Комитетом партии под руководством тов. Загорского организовывались пятничные митинги на заводах и фабриках с одним и тем же

порядком дня (на одном из таких митингов был ранен тов. Ленин); по городу в праздничные дни пускались в рабочие районы агиттрамваи с артистами, которые играли небольшие революционные пьесы, а в перерывах выступали агитаторы агитотдела МК. Наконец, в театрах и кино выступали агитаторы МК перед началом представлений и сеансов. Но ведение политкампаний МК не ограничивалось лишь агитацией. Часто устраивались делегатские собрания и широкие беспартийные конференции по районам, на которых уже делались обстоятельные серьезные доклады о положении на всех фронтах, как хозяйственных, продовольственных, так и военных. Эти делегатские собрания работниц и беспартийные широкие конференции имели громадное влияние на настроение рабочих и работниц фабрик и заводов, которые страдали от отсутствия продовольствия и топлива. У меня сохранились некоторые резолюции рабочих фабрик и сводки районных советов о выдаче продовольствия того времени. Вот выдержка из них: „Мы, рабочие и служащие завода „Русская Машина", собравшись обсуждать настоящее тяжелое положение свое в связи с голодом и холодом, находим, что костлявая рука голода уже крепко схватила работающих за горло. Мы, производители всех ценностей, не получаем продуктов по карточкам..." и т. д. Такие резолюции были не единичными. К этой резолюции прикреплена сводка района о выдаче продуктов: Пресненский районный совет сообщает, что за последние два дня произошла задержка в выдаче хлеба из-за отсутствия дров, а из Рогожско-Симоновского совета сообщение гласит о перерыве в выдаче хлеба в один день и т. д.

МК подготовлял агитаторов перед выступлением на митингах по крупным вопросам посредством инструктивных докладов, что дало возможность выступать им подкованными, с солидными материалами. Но МК не ограничивался только агитацией. В день взрыва были собраны товарищи (по второму пункту порядка дня), которые должны были обсудить вопрос о создании партшкол и рассмотреть программу занятий в этих школах.

Я подробно остановился на работе Московского Комитета партии того времени потому, что она тесно связана с инициативой, умением, энергией и организаторскими способностями тов. Загорского.

В Московском Комитете и исполнительной комиссии существовало полное единодушие. Не было ни склок, ни трений. Поэтому и шла так дружно работа. Разногласия московской организации были лишь между МК в целом и значительной частью фракции Исполнительного Комитета Московского совета во главе с тов. Игнатовым, которая претендовала на полную самостоятельность в решениях чисто советских вопросов. Но ни в МК, ни в районах эта часть фракции в этом вопросе поддержки не имела.

В роковой вечер взрыва тов. Загорский должен был быть на заседании Исполкома Московского совета, а собранием активных работников по поручению исполнительной комиссии и МК должен был руководить тов. Мясников, но тов. Загорский не досидел до конца заседания в совете и явился на собрание активных работников в здание МК в тот момент, когда бомба влетела через окно в зал заседания. В момент взрыва я был на заседании ЦК профсоюза железнодорожников, где докладывалось о продовольственном положении железнодорожников. Когда я услышал взрыв, я запросил по телефону ВЧК, где он произошел, но на мой вопрос они ответили заверением, что ими уже приняты все меры для окружения прилегающих к МК улиц и оказания помощи пострадавшим. Мне сразу стало ясно, что взрыв произошел в МК. Когда я приблизился к Советской площади, то через окна было видно сильное смятение в Белом зале Московского совета. Поэтому я уже хотел вбежать туда, но когда я увидел, что из совета тоже бегут по направлению к МК, я повернул к МК. В это время уже выносили раненых из здания МК, и много народу было занято отыскиванием товарищей и высвобождением их из-под обломков. Все мои поиски тов. Загорского не дали результатов, и я уже стал уверять себя, что его на собрании не было, так как среди раненых и убитых его не нашли. Вдруг подходит ко мне тов. Цихон, берет меня за руку, подводит

к изуродованному трупу и молча указывает на него. Мы узнали тов. Загорского. Он сидел в углу комнаты без ног, с окровавленным лицом и разбитой головой, был виден лишь его большой лоб.

Тов. Загорский всю свою сознательную жизнь, с 1902 г. до самой смерти, боролся с проклятым врагом рабочего класса. Это был один из старой большевистской ленинской гвардии, у которого в жизни была только одна цель—освобождение рабочего класса посредством классовой борьбы. Тов. Загорский погиб на боевом посту накануне военной победы пролетариата Советского Союза.

Пусть воспоминание об энергичном, преданном революционере тов. Загорском, погибшем от рук контр-революционеров за свою неутомимую деятельность в рядах большевистской партии, поможет закалять молодых борцов для будущих битв, которые еще предстоят рабочему классу Советского Союза.

Степан Георгиевич Шаумян

1887—1918

А. И. МИКОЯН

СТЕПАН ГЕОРГИЕВИЧ ШАУМЯН

ТОВАРИЩ СТЕПАН родился в Тифлисе в 1878 г.; он рано начинает интересоваться общественной жизнью. Еще в тифлисском реальном училище он организует социал-демократические кружки среди учащихся. Этот горячий интерес к политике уже в Рижском политехникуме выливается в форму активной революционной деятельности, за что С. Г. и увольняется оттуда как „неблагонадежный". Тем временем Степан окончательно становится активным деятелем социал-демократии. Далее, вынужденный по болезни после поступления в Берлинский университет переехать в Швейцарию для лечения, он здесь близко сходится с русскими эмигрантами с.-д., в том числе и с тов. Лениным.

Поправившись, он возвращается на Кавказ и принимает деятельное участие в революционном движении 1905 г., работая в тифлисской организации с.-д. в качестве одного из руководителей-большевиков. В 1906 г. едет делегатом от Кавказа на партийный об'единенный с'езд в Стокгольме.

В начале 1907 г., переехав из Тифлиса в Баку, он, вместе с тт. Сталиным, Джапаридзе и Спандарианом, становится во главе партийной работы в Баку. В 1909 г. его арестовывают, но, благодаря энергичным хлопотам его друзей, ему скоро удается освободиться и снова взяться за руководящую работу в бакинской организации большевиков. При втором аресте, в 1911 г., он просидел 9 месяцев, а затем был выслан за пределы Кавказа на 5 лет. Вместе с семьей он переезжает в Астрахань, где также работает в партии.

В 1913 г. он попадает под амнистию (300-летие дома Романовых) и возвращается в Баку, где, возобновив свою революционную работу среди бакинского пролетариата, в 1916 г. снова попадает в тюрьму за свою деятельность против войны и военно-промышленных комитетов. После 10-месячного заключения он высылается, благодаря хлопотам тех же друзей, вместо Иркутской губ., в один из поволжских городов.

Тов. Степан едет в Саратов, но, не пробыв там и трех месяцев, вследствие вспыхнувшей революции, возвращается в Баку, где он уже заочно на первом организационном заседании почти единогласно избирается председателем совета, хотя большевистская фракция составляла тогда ничтожную часть совета.

Почти вся дальнейшая общественно-политическая деятельность Степана Георгиевича протекает на глазах у бакинских рабочих.

Будучи председателем совета и одновременно редактором „Известий", тов. Степан проявил кипучую, плодовитую творческую работу, чем завоевал симпатии всех рабочих, без различия партий, и приобрел их всемерную поддержку. Но с углублением пропасти между большевиками и соглашателями личные достоинства и неоценимые способности его оказались недостаточными для того, чтобы быть во главе совета: требовалось иметь в совете большинство, а тогда из 250 членов совета было только 15 большевиков.

И он, после оставления поста председателя совета, всецело отдался организационному строительству нашей партии, отколовшейся от меньшевиков, по завоеванию рабочих под знамена ленинизма и изданию „Бакинского Рабочего", славного органа бакинских большевиков, сыгравшего для бакинских рабочих такую же роль, как и „Правда" для всей нашей партии.

Далее, тов. Степан от Бакинского совета поехал делегатом на I с'езд советов, где он играл руководящую роль в большевистской всероссийской фракции и был избран членом ВЦИК. В сентябре месяце 1917 г., вернувшись из Петрограда, успел он попасть на первый легальный Кавказский краевой с'езд нашей партии в Тифлисе, где выступил докладчиком по двум важным вопросам— текущему моменту и национальному вопросу. Вернувшись в Баку, он усиливает партийную работу среди рабочих и солдат и, используя совершившийся тогда перелом в их сознании, организует их под флагом советской власти и коммунизма. В связи с Октябрьским переворотом в Петрограде он, со свойственными ему уравновешенною решимостью и последовательностью, ставит Бакинский совет на путь захвата власти, что ему и удается, вызвав крах и уход соглашательского меньшинства — меньшевиков, эсеров, дашнаков и муссаватистов—из совета. После окончания выборов в городскую думу и работы по присоединению рабочих районов к городскому самоуправлению он уезжает в Тифлис на II краевой с'езд Кавказской армии. На с'езде тов. Степану приходится стать во главе фракции и дать самый решительный, самый ожесточенный, с успехом закончившийся бой Гегечкори и другим меньшевикам, в результате чего ему и удается завоевать большинство с'езда. Здесь он обнаруживает всю силу несравненного полемиста и опытного стратега политической борьбы.

Вернувшись после с'езда в Баку, тов. Степан скоро опять едет в Тифлис, желая, как член Учредительного собрания, попасть в Петроград к открытию его. В это время правильное пассажирское движение с Тифлисом было нарушено, на станциях около Елисаветполя происходили грабежи и убийства. Многие из нас боялись, что он может там погибнуть,— такие слухи долго держались в городе. Но, к счастью, ему удалось по тюркским и армянским селам благополучно добраться до Тифлиса. Степан Георгиевич, не терявший в жизни ни одной минуты без прямой пользы для революции, и из этих мытарств и странствований по селам извлек громадную пользу для революционного движения на Кавказе.

К моменту прибытия тов. Степана в Тифлис там уже из Петрограда был получен, через покойного товарища Камо, мандат от тов. Ленина, которым Степан назначался чрезвычайным комиссаром Кавказа. В связи с об'явлением этого, закавказский соглашательский комиссариат почуял грозную опасность и попытался арестовать и даже расстрелять тов. Степана. Но и здесь тов. Степану удалось избежать смерти и вместе с уходящими с фронта эшелонами солдат и под их защитой благополучно прибыть в Баку.

В дни мартовских событий 1918 г. и после них тов. Степан вместе с Джапаридзе, Коргановым и Сухарцевым состоял в комитете революционной обороны Баку, и, будучи его председателем, он направлял всю сложную работу, не имея ни минуты отдыха. Благодаря его стараниям тогда удалось отобрать милицию от городской думы и обновить ее, усилить вооружение рабочих, расформировать национальные части, распустить армянский национальный совет, распустить городскую думу, наложить и взыскать с буржуазии контрибуцию в 50 млн. рублей.

Образование Бакинского Совета Народных Комиссаров, расширение и усовершенствование аппарата советской власти в Баку дали широкий простор его творческой деятельности и обнаружили крупные способности выдающегося политического деятеля и государственного ума.

Ему, как председателю Совнаркома, приходилось не только направлять работу правительства в смысле ведения военных действий против турок и кавказских контр-революционных правительств в Дагестане, Ленкорани, Мугани, на Кюрдамирском направлении; он не только все время направлял деятельность продовольственных организаций по доставке хлеба из Шандраковки и Петровска, Ленкорани и других мест, руководил борьбой с голодом в Баку, поддерживая тесную связь с центральной советской властью, с ЦК нашей партии, руководя всей кавказской организацией,—но и вел необходимые переговоры и переписку с Персией с целью установления с ней дружественных политических и торговых отношений, вывоза оттуда необходимого продовольствия и многомиллионного

имущества русского государства; ему приходилось, помимо всего этого, непосредственно руководить конструкцией вновь возникающих учреждений пролетарской государственности, проведением в жизнь наиболее важных социалистических мероприятий советской власти, как-то: национализация флота, нефтеносных земель, нефтяной промышленности, рыбных промыслов, социализация всех помещичьих и прочих земель в уезде, монополизация хлопка и вывоз из Баку в Астрахань огромных запасов нефти и хлопка.

Кроме этой громадной работы, в чрезвычайно трудных и сложных условиях Баку, тов. Степан находил время руководить работой Бакинского совета, Бакинского Комитета и конференции партии, участвовать в текущей партийной работе и время от времени читать доклады в рабочих районах.

Здесь у нас нет возможности подвести точные итоги всей многосторонней и плодотворной деятельности т. Шаумяна и дать ей должную оценку.

Тов. Шаумян был крупным революционером и выдающейся личностью не только в русском, но и в международном революционном движении. Он обладал неоценимыми сокровищами души и ума, умел вникнуть в сущность вещей, понимать и определять причины каждого проявления общественной жизни, легко и скоро ориентироваться в многочисленных вопросах политики, обнаруживать классовую подоплеку всех явлений и определять правильную линию поведения по отношению к ним с точки зрения интересов международного пролетариата. У него было драгоценное качество для политического деятеля, редко встречающееся у других, — хладнокровная уравновешенность как при победе, так и при поражении, связанная с горячим энтузиазмом и непреклонной решительностью.

Чрезвычайное самообладание и трезвый, ленинский взгляд на вещи не давали ему растеряться ни при поражении, ни при победе. Он никогда не унывал и не падал духом, учитывая как выгодные, так и невыгодные для революции условия, и на основании точного учета и оценки совершившегося определял и ясно себе представлял дальнейшую тактику революционной борьбы.

Сколько горечи ни причиняли ему грязные потоки лжи и клеветы, пущенные в ход желтыми газетами социал-предателей, провокационные, просто хулиганские выступления проходимцев, печальной памяти меньшевиков Садовского, Аполло и других, их открытые, наглые призывы к погрому и самосуду над большевиками,—он сдерживал бурные взрывы негодования и ненависти наших товарищей к обнаглевшим хамам, выброшенным волнами человеческого моря вместе с грязью и сором на берег бакинской жизни и оказавшимися на час у власти. Он говорил мне на свидании в Баиловской тюрьме: „Ты не очень поддавайся чувству возмущения и удерживай себя. Ты не забывай, что все это временно, что править, вести за собой массу наглою ложью и клеветой можно день—два, но не больше: скоро откроется правда, и одержанная таким подлым способом победа сменится потрясающим крахом и страшным провалом аферы проходимцев и лжецов".

Какое пророчество...

Каким сильным мыслителем, диалектиком и прозорливым политиком был тов. Шаумян. Он был таким же талантливым вождем партии, как и умелым практическим работником, искусным организатором ее. Он был таким же видным журналистом, как и незаурядным лектором. Одинаково крупные способности проявлял он как искусный оратор и оппонент и как выдающийся революционный стратег.

В получающихся в мае и июне месяцах письмах тов. Сталина от имени ЦК нашей партии и тов. Ленина мне пришось читать и убедиться в том, что они в неменьшем восхищении от умелой, твердой и решительной политики тов. Шаумяна.

Эти письма, как и многие другие, уже опубликованы.

Тов. Ленин, отличавшийся необыкновенной скупостью на похвалы, особенно по адресу живых людей, 14 мая 1918 г. в письме к тов. Шаумяну писал: „...Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики: сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую безусловно теперешним труднейшим положением,—и мы победим..."

Тов. Шаумян, кроме указанных достоинств, отличался мягким, чистым, очаровательным характером, располагавшим к себе не только всех товарищей, но и каждого человека. С ним легко было работать, под его руководством каждый мог найти должное применение своим силам. Пред его моральной чистотой преклонялись все—и друзья и враги. Самые ярые противники его питали к нему глубокое уважение.

В лице тов. Шаумяна наша партия потеряла одного из своих видных вождей, народы Кавказа—своего незаменимого руководителя, а бакинский пролетариат—своего старого и многоиспытанного вождя в революционной борьбе за коммунизм.

Гнусные палачи великого борца и мученика за рабочее дело, подымая свою грязную руку на его светлую жизнь, хорошо знали, какая яркая звезда меркнет от их предательского удара на красном небосклоне международной пролетарской революции. Похваляясь своим гнусным злодеянием, они в своих газетах тов. Шаумяна называли „кавказским Лениным"... И они были правы...

Да, больше нет „кавказского Ленина".

9 лет тому назад, 19 сентября 1918 г., перед рассветом, в песках Закаспийской степи перестало биться чуткое, любящее сердце нашего дорогого товарища и друга, великого революционера Степана Георгиевича Шаумяна.

Да, мы потеряли очень многое: потеряли тов. Шаумяна...

Но пусть наши противники, прямые или косвенные виновники гибели наших товарищей, не радуются и злобно не хихикают.

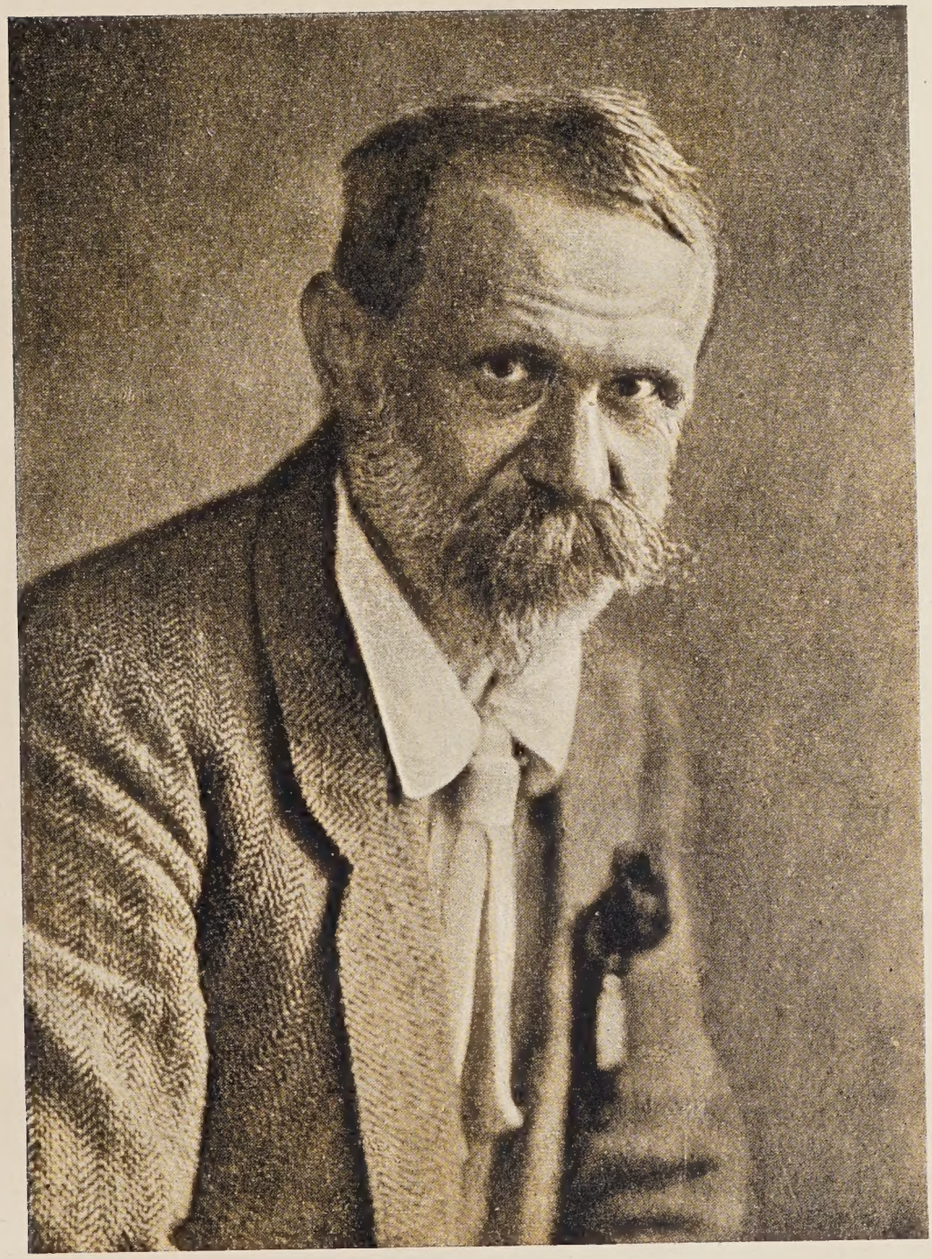
Его память навеки будет жива в нашей среде. Вся его светлая жизнь, полная геройской борьбы, его самоотверженность и преданность пролетарскому делу для всего последующего поколения останутся образцом поведения революционера-коммуниста.

То святое дело, за которое положил он свою голову, и те пути, следуя по которым пал он, как герой,—судьбой завещаны оставшимся в живых товарищам.

И мы увековечим его память. Мы девять лет идем и впредь смело пойдем по завещанному нам славному, обагренному пролетарской кровью, пути борьбы за коммунизм.

Мы никогда не забудем последнего возгласа Степана Шаумяна и остальных 25 бакинских коммунаров, героев,—возгласа, который в последнюю секунду вырвался из их уст и слился с залпом винтовок и свистом пуль:

„Мы умираем за коммунистическую революцию... Да здравствует мировая коммуна!"



Юлиан Маршалевский

1866—1925

ФЕЛИКС КОН

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ-КАРСКИЙ

РЕДЕЮТ ряды старой революционной гвардии... Два года тому назад выбыл из строя Юлиан Мархлевский—революционер, в течение 36 лет стоявший неуклонно и бестрепетно на посту. Он был на посту, когда реакция праздновала свое кровавое торжество и тогда, когда волны революции поднимались высоко, приводя в трепет буржуазный мир.

Тридцать шесть лет!

В течение этого времени гибли и возникали партии, сменялись их деятели, одни сходили со сцены или переходили в другой лагерь, другие вступали на боевую арену. Сменялись люди, сменялись поколения, сменялись направления, а он продолжал стоять на боевом посту, все время отстаивая принципы революционного марксизма...

Таких борцов было весьма немного... Немного было старых революционеров, которые бы от начала своей деятельности до последнего момента жизни ни разу не меняли первоначальных своих убеждений. К этим немногим принадлежал Мархлевский.

Когда он начинал свою деятельность, в рабочем движении царил хаос. „Народная Воля“ и „Пролетариат“ рухнули под ударами реакции. В рядах этих партий оказались отщепенцы, которые опошлили и исказили великие идеи Желябовых и Варынских. Это был момент идейной смуты, с особенной силой проявившийся в Польше. Прикрывавшиеся славным знаменем „Пролетариата“ вместо того, чтобы распространять идеи революционного марксизма, которые с таким самопожертвованием и энтузиазмом пропагандировал Людовик Варынский, один из крупнейших вождей рабочего движения, погибший впоследствии в Шлиссельбурге, измельчавшие последователи „Пролетариата“ в заговоре и в терроре усматривали сущность революционной деятельности. Другие изменили старому знамени „Пролетариата“—славному знамени интернационализма, развернутому первыми деятелями социализма в Польше, и погрязли в болоте шовинизма. В лозунг „Народной Воли“ о захвате власти ими было влито шовинистическое содержание. „Народная Воля“ выдвинула этот лозунг, как необходимую предпосылку для ведения социалистической пропаганды среди масс, а польские социал-патриоты, утверждая, что в отсталой, рабской России не может быть речи ни о какой революции, звали массы к восстанию против русского владычества. Для „Народной Воли“ захват власти был средством, для них, будущих идеологов теперешней Польской Социалистической Партии (ППС), это было целью.

Революционное знамя, только что обагренное свежей кровью казненных „пролетариатцев“, было подменено патриотическим знаменем.

Перед вступавшим в такой момент на тернистый путь революции Юлианом Мархлевским стоял трудный вопрос: по какому итти пути, чтобы достигнуть освобождения рабочего класса? Ни одна из существовавших тогда партий не выражала интересов пролетариата, и Мархлевскому, в то время еще юноше, только что кончившему реальное училище, пришлось самостоятельно прокладывать дорогу новой партии. Он справился с этой задачей. Будучи уже тогда марксистом и находясь в постоянном непосредственном контакте с рабочей массой, как красильщик, рабо-

тающий бок-о-бок с ней на фабрике, Мархлевский вместе с несколькими другими товарищами организует „Союз польских рабочих“. Эта организация знаменовала собою поворот в сторону революционного марксизма. Знамя классовой борьбы, поднятое в свое время „Пролетариатом“, нашло в лице „Союза“ достойного и идейно непоколебимого знаменосца. На ряду с этим, „Союз“ самым решительным образом отмежевался от всяких уклонов „пролетариатцев“ новой формации в сторону индивидуального террора и бланкизма. „Террористическая тактика заговорщических групп,—гласил „Союз“,—находится в противоречии с массовым рабочим движением“. Не менее решительно выступал „Союз“ против всяких уклонов в сторону национализма. В связи с этим социал-патриоты обвиняли „Союз“ в игнорировании политической борьбы. Это обвинение было лишено всякого основания: в первомайском воззвании в 1891 г. были формулированы политические требования.

Мы подчеркиваем это обстоятельство, так как борьба с „экономизмом“,—аналогичная той, какую вел в России Ленин,—одна из неоспоримейших заслуг Мархлевского.

Выступление на политической арене „Союза“, воскресившего на территории Польши лозунги Интернационала, вызвало бешеный гнев в стане социал-патриотов. Вначале они пытались игнорировать это движение и убить его молчанием. Арест Мархлевского и других облегчил в этом отношении задачу социал-патриотов, и они уже считали это движение ликвидированным. Но Мархлевский, высланный, как германский подданный, за границу, об'единяется в эмиграции с Розой Люксембург и с ее единомышленниками. Вновь разгорается пламя борьбы с социал-патриотизмом, и хотя социал-патриоты не остановились перед самыми гнусными средствами в борьбе с этим движением, им не удается ни ослабить его, ни столкнуть Мархлевского и его товарищей с занятой ими позиции. В этой борьбе выдающуюся роль играл Мархлевский. На Розу Люксембург и на него обрушились удары всего лагеря социал-патриотов.

Уже тогда Мархлевский проявил себя как зоркий и стойкий страж революционного марксизма—черта, которая характерна для всей его деятельности. В своих речах и статьях, на собраниях и в прессе, в ученых исследованиях и на международных конгрессах, всегда и всюду Мархлевский выступал против отклонений от революционного пути,—отклонений в сторону социал-патриотизма в Польше и ревизионизма—в Германии. Этому он оставался верен всю жизнь. Нельзя не отметить, что на ряду с этим этот борец за чистоту марксизма обладал чертой, какую многие отмечали во Владимире Ильиче. В Ленине сразу замечалось что он—русский, Мархлевский был до мозга костей поляком. Он работал в Польше, в Швейцарии, в Германии и в России, но где бы он ни находился, какую бы работу он ни выполнял,—он жил жизнью польских рабочих масс, их муками и страданиями, что, однако, не шло вразрез с его деятельностью в мировом масштабе.

Вот весьма характерный момент.

На Штуттгартском международном социалистическом конгрессе оживленную и страстную дискуссию вызывал колониальный вопрос. В дискуссии принимали участие все самые выдающиеся деятели тогдашнего социалистического мира. Совершенно неожиданно сторонники колониальной политики были поддержаны таким авторитетным лицом, как Бебель, который за несколько недель до конгресса в произнесенной в германском рейхстаге речи заявил, что колониальная политика (буржуазных стран) сама по себе еще не составляет преступления, что могут быть такие условия, когда она может быть фактором культуры и цивилизации. Весь вопрос лишь в том, как ее проводить. Если представители цивилизованных народов явятся к первобытным народам как воспитатели, чтобы им помочь, в их интересах и в интересах всего цивилизованного человечества, увеличить урожай их земель, тогда с колонизацией можно согласиться целиком и полностью. Эту идею „опеки“ и „воспитания“ первобытных малокультурных народов Бебель развивал широко и обстоятельно.

— Что обозначает эта „опека“,—возражал ему Мархлевский, выступавший на международном конгрессе в Штуттгарте под своим обычным

псевдонимом Карского,—мы, поляки, знаем прекрасно по своему горькому опыту, мы знаем, как опекают нас русское и прусское правительства.

Перед глазами Мархлевского, которого социал-патриоты клеймили чуть ли не как предателя польского народа, ренегата и отщепенца, в момент, когда эту „опеку" возводили в принцип, промелькнули картины гнета, насилия, руссификации и германизации, какие переживала в то время Польша. На этом конгрессе Мархлевский примыкал к левому крылу, который был организован Лениным, Розой Люксембург и другими, и уже тогда вел ожесточенную борьбу с социал-империалистами. В своей речи, носившей программный характер, он обрушивался на тех, которые фактически пропагандировали порабощение народов, прикрываясь звучными лозунгами „цивилизации", „культуры" и т. п., и, что является для него характерным, иллюстрировал все это примерами и из жизни угнетенной Польши. Он до того впитал в себя нужды, боль и страдания польских рабочих и крестьянских масс, до того жил жизнью этих масс, что иначе быть не могло. Он — интернационалист. В Германии, в Швейцарии — всюду перед ним широкое поле деятельности, но все время его влечет вполне „ведомая" сила — в Польшу, к польским массам. А когда эти массы начинают рвать свои оковы, Мархлевский уже не может оставаться вдали от них Вот почему при первых громах революции 1905 г. он в Польше...

Этот период его деятельности—один из самых славных периодов его жизни.

Русский поэт-народник Некрасов в одном из своих стихотворений жалуется, что действительность мешала ему быть поэтом, а поэзия мешала броситься в водоворот жизни. Мархлевский мог бы прямо обратное сказать о себе. Революционер, марксист, политический деятель, он стал ученым исследователем ради масс, и каждая его книга—отзвук того, на что его натолкнула жизнь в массах. Теоретик-марксист Мархлевский был одновременно, так же как Маркс, так же как Ленин, активным революционером. Вот почему, когда грянула мировая война, он один из первых и словом, и делом, и своими статьями, и организацией „Спартака" выступил на борьбу с ней, в результате чего очутился в концентрационном лагере. Вот почему он всегда был в первых рядах борцов. Вот чем об'ясняется его многогранная деятельность и в советском государстве, после того как ему удалось, наконец, пробраться в РСФСР.

В архиве польского истпарта хранится анкета, заполненная Мархлевским, в которой, на вопрос, в какой области желает работать, он отвечает: „Где прикажут". Характерный ответ! И этот ответ свидетельствует не только о дисциплинированности Мархлевского. Нет! Мархлевский был в праве, при своих огромных знаниях, не сомневаться, что он справится с „приказанной" ему работой, в какой бы области ни приходилось работать... И он работал и как дипломат, и как хозяйственник, и как член Исполкома Коминтерна, и как литератор, и как лектор, и как идейный руководитель коммунистов-поляков в Советской республике... А когда началась война с Польшей, когда часть Польши освободилась из-под ярма панов, Мархлевский стал во главе Временного революционного комитета Польши. Только тогда можно было осознать, насколько этот человек, оторванный от польских рабочих масс, отделенный от них сотнями верст, продолжал все время жить жизнью этих масс, их болями и страданиями.

Я не могу не привести здесь одного эпизода, который запечатлелся навсегда в памяти всех присутствовавших при этом.

Дело происходило в Белостоке, в 1920 г. До нас доносился грохот орудий. Фабрики были закрыты, и рабочие, лишенные работы, голодные бродили по улицам города. Убедившись в том, что сырья на фабриках такое количество, что есть возможность возобновить работу, мы решили сделать это, и в день открытия фабрик организовали „праздник труда". На этом празднике выступил с речью Мархлевский.

Я до этого слышал его не раз. Его речи отличались всегда продуманной аргументацией, были спокойны, убедительны. Но не было того, что я назвал бы „вдохновением".

На этот раз, когда Мархлевский встал перед массой польских рабочих, его нельзя было узнать. Это был вдохновенный вождь. Его речь как бы гипнотизировала массу. Он говорил о муках и страданиях рабочего класса, о великой исторической миссии пролетариата, о новом строе, о новых строителях, о борьбе не только с оружием в руках, но о тяжелой продолжительной борьбе за станком—борьбе за новую жизнь.

Рабочие слушали его, не спуская с него глаз... Движимые каким-то внутренним чувством, они обнажили головы...

Иначе быть не могло. В этот момент говорил не Мархлевский... Это его устами говорила многотысячная масса рабочих, собравшаяся тогда перед домом, с балкона которого он говорил. Мечты и грезы этой массы, ее боевое желание сбросить с себя ярмо рабства, все то, чем жил пролетариат—нашло свой отзвук в этой речи, и масса это понимала, чувствовала.

Мархлевский говорил перед пролетариатом Белостока, но он своим духовным взором видел в этот момент весь многострадальный пролетариат Польши, обращался к нему, звал его на борьбу, твердо веруя, что еще неделя—другая, и он сольется в борьбе с революционным пролетариатом Варшавы.

Этим его мечтам не суждено было сбыться. Мархлевский умер, не дожив до этого момента. Но он жив в памяти польского пролетариата.

Этот пролетариат, выступая на борьбу, пойдет под тем знаменем, под которым 36 лет вел борьбу Юлиан Мархлевский.

Конкордия Николаевна Самойлова

1876—1921

В. А. МОЙРОВА

КОНКОРДИЯ НИКОЛАЕВНА САМОЙЛОВА

ГЛАВНУЮ плеяду российских большевиков-подпольщиков украшает имя Конкордии Николаевны Самойловой. Уравновешенной, выдержанной в действиях, с сильной волей, Конкордии Николаевне правильно было присвоено имя „твердокаменной“ большевички.

Выйдя из семьи иркутского священника, семьи зажиточной, получив среднее образование в Иркутске, Конкордия Николаевна в 1895 г. попадает на Высшие женские курсы в Петербург. Тов. Самойлова на курсах обнаруживает иные стремления, иные запросы, чем те, которые пыталось удовлетворить министерство просвещения. Чтение книг, самообразование явилось в первые годы основным занятием Конкордии Николаевны. Тов. Самойлова принимает участие в студенческих протестах, демонстрациях и беспорядках, в конечном итоге закончившихся для Конкордии Николаевны исключением с курсов и первым, хотя недолгим, тюремным заключением.

Революционное самообразование и студенческое окружение не могли удовлетворить прирожденного массовика-пропагандиста. Тяга к работе в массе побуждала тов. Самойлову приобрести более основательные знания и определить более точно свои собственные политические убеждения. Отсюда страстное стремление и поездка в 1902 г. за границу, в Париж, где работала „Вольная русская школа общественных наук“, где изредка читали лекции Ленин и Мартов.

Поездка за границу определила политическое лицо Конкордии Николаевны. В Россию она вернулась уже с явкой в Тверской Комитет РСДРП. „Это была молодая девушка, высокого роста, с блестящими небольшими карими глазами и ярким румянцем на смуглых щеках. Черты ее лица были неправильны, немного раскосые брови делали ее слегка похожей на бурятку, но в общем это было милое, симпатичное лицо. Весело было смотреть на нее. Каждый мускул на ее лице играл, глаза сверкали: казалось, она сейчас же готова итти на работу, окунуться на самое дно“,—пишет о ней в момент появления т. Самойловой в Твери т. Куделли.

Характеристику беззаветно преданного революции человека дают о Конкордии Николаевне все знавшие ее товарищи. Но этого мало. Уже первый революционный период дает представление о ней, как о партийце, правильно ориентирующемся и в вопросах тактики и в вопросах организации масс. Вот что пишет о ней тов. Егоров: „Перед нами стояла задача восстановить деятельность организации, связать все ее разорванные части и наладить правильные сношения с рабочими фабрик и заводов. Главный вопрос, который захватил наше внимание,—был организационно-тактический. В лице Конкордии Николаевны я нашел сторонника моих взглядов на задачи партийной работы в тот период. Она поняла наши стремления быть не только организованной партией, но и руководительницей революционного движения масс и вдохновительницей их выступлений. Несмотря на то, что вопрос о массовой работе был новым в партийной деятельности, Конкордия Николаевна чутко поняла, что это единственный путь для пролетарской партии. Она с первых шагов своей деятельности твердо заняла позицию создания партии и развития самодеятельности членов организации в деле осуществления общих заданий с полным

подчинением низших организаций вышестоящим в деле общего руководства и направления".

Выданная провокатором Швецовым, К. Н. вынуждена была уехать в Екатеринослав. Здесь она вместе с тов. Егоровым вела работу по сохранению заводских районов за большевиками, принимала участие в создании типографии и распространении литературы. Здесь она была арестована, препровождена в Тверь, где и просидела в тюрьме больше года. На волю вышла в марте 1905 г. и под особым надзором полиции выехала в Николаев и затем в Одессу.

Тов. Семков, вспоминая о Наташе (партийная кличка тов. Самойловой), пишет: „При первой нашей встрече в Одессе она в кругу наших юных пролетариев с.-д. считалась „твердокаменной" большевичкой, она умела подойти к рабочим, и всю нашу группу слободских с.-д., состоявшую из рабочих металлистов, каменотесов, матросов и работниц табачных и спичечных фабрик, она направила на путь большевизма. Ее убедительные, глубоко проникновенные речи в каменной пещере, где происходили наши собрания, а также личный образ ее жизни сразу выделял ее из целой плеяды работавших тогда интеллигентов".

Действительно, К. Н. выделялась среди партийцев продуманным и глубоко воспринятым большевизмом. Ей не вскружил голову первый революционный шквал 1905 г. Не примиренчество с язвой рабочего движения—меньшевизмом—внушила ей первая революция, а непримиримую борьбу против этого раз'едающего течения. В этом отношении чрезвычайно характерно следующее письмо К. Н., приводимое тов. Куделли в биографии тов. Самойловой. Письмо было адресовано одесской организации, но попало в Ростовское охранное отделение в момент ареста К. Н. в 1906 г. в Ростове.

„Заявляю членам бывшего Одесского Комитета (большинства), что я не считаю возможным оставаться больше в здешней об'единенной организации по следующим основаниям: прежде всего, я нахожу, что разногласия между большинством и меньшинством по тактическим вопросам еще настолько существенны, что слияние в настоящий момент является вступлением на путь компромиссов и равносильно отпаду от той единственно верной революционной тактики, которой держалось до сих пор большинство и которая делала его левым, истинно революционным крылом РСДРП.

Слияние при наличности существенных разногласий может быть только механическим и должно повести на практике к майоризированию (т.-е. к простому количественному подавлению при местных условиях организации большинства меньшинством), а идейная борьба за влияние неизбежно при данных условиях окажется бесплодной и может вызвать лишь новые трения, конфликты и новый раскол. Таким образом, слияние, создав почву для новой дезорганизации, нанесет только большой вред положительной работе. Я считаю также, что происшедшее здесь слияние является актом, нарушающим в корне всякие представления о партийной дисциплине, которую так энергично отстаивало всегда большинство в своей борьбе с антипартийными и дезорганизаторскими тенденциями меньшинства.

Не разделяя точки зрения одного из говоривших на собрании периферии, который, ничтоже сумняшеся, провозгласил, что „нам нечего считаться с какими-то там бумажными резолюциями III с'езда", я нахожу, что местная организация не имела права без согласия всей партии (т.-е. большинства) решить такой важный вопрос, как слияние с меньшинством, и что единственно верным и надежным путем в этом деле является только IV с'езд всех партийных работников. Одесская организация, устремляясь с необ'яснимой поспешностью на путь слияния, не сочла нужным снестись по этому поводу ни с ЦК, ни с другими комитетами большинства и совершенно игнорировала пример таких организаций, как Петербургский и Московский Комитеты, которые нашли возможным об'единение лишь на федеративных началах. Поставив таким образом, местную организацию вне установленных центров и партийных рамок, „слияние" внесло еще больший хаос в партийные отношения, особенно, если допустить, что IV с'езд примет лишь федеративную форму об'единения двух частей партии; тогда одесская организация, как слившаяся, останется вне всякой партии.

Пропагандистка Наташа".

Если бы остался после К. Н. только этот один документ, его было бы вполне достаточно для того, чтобы охватить ее образ.

Обращает на себя внимание в биографии К. Н. ее постоянное стремление в рабочие центры. Она побывала почти что во всех углах, имевших значение по концентрации пролетариата: Тверь, Екатеринослав, Одесса, Николаев, Баку, Москва, Луганск, откуда она была избрана в Лондон на V с'езд партии в 1907 г.

К этому времени К. Н. уже была замужем за профессионалом-революционером А. А. Самойловым. Это, по словам тов. Куделли, „была очень дружная пара, связанная не только любовью друг к другу, но и общими взглядами и стремлениями". В 1909 г., проживая по чужому паспорту в Ленинграде, она снова попадает в тюрьму, где томится около года.

Нарастающее рабочее движение застает К. Н. секретарем „Правды". Пожалуй, с этого времени начинается второй—литературно-революционный—период в деятельности К. Н. Вот как характеризует тов. Сосновский этот период работ К. Н.: „Рабочая газета того времени была единственной почти отдушиной, через которую проникали с фабрик и заводов голоса и настроения рабочих. Газета стала центром, куда приходили и сотни живых мятущихся рабочих и сотни писем от таких же рабочих".

„...Наташа была способна проявить величайшую внимательность, участие, теплоту. С каждым приходящим рабочим она беседовала ласково, дружески, стараясь завоевать его симпатии на сторону „Правды", т.-е. нашей партии".

Литературной же работой начинается деятельность Конкордии Николаевны среди работниц. Тов. Самойлова явилась непосредственным организатором первого журнала „Работница", выпущенного к 8 марту 1914 г. Правда, вся редакция, вместе с тов. Самойловой, была арестована, но журнал стал выходить систематически и явился первым организующим началом в работе среди пролетарок. Война прервала выпуск журнала до 1917 г. Годы войны К. Н. жила нелегально в Москве, работая под чужим именем в Земгоре. С Февральской революции работа партии среди работниц начинает принимать систематический характер.

Прежде всего возобновляется выпуск „Работницы". Журнал продолжает являться базой организационной и пропагандистской работы среди женщин. Группируя вокруг „Работницы" наиболее сознательных пролетарок, К. Н. начинает готовить из их среды писательниц, ораторов, организаторов.

Первые же годы революции обнаружили в лице Конкордии Николаевны недюжинные способности трибуна: строго продуманный план речи, последовательность мысли, отсутствие излишнего пафоса, но в то же время горячо передаваемая убежденность с великолепно сочетаемыми моментами обличения, волнующими и одновременно двигающими массу к исправлению своих ошибок.

Указанные черты были свойственны Конкордии Николаевне во всей ее деятельности. Благодаря Самойловой работа среди женщин была поставлена на должную высоту. Она была как бы сгустком партийных требований перед женскими массами.

К. Н. была центром среди работников по созыву Всероссийского с'езда работниц и крестьянок в организационном вопросе; с ее авторитетом считались, организуя комиссию работниц при ЦК РКП. Она же была направлена на Украину заложить большевистский фундамент работе среди женщин.

К 40 годам Конкордия Николаевна внешне немногим отличалась от образа, данного тов. Куделли, разве только несколько располнела. Но блеск глаз остался тем же искристым, творческим.

На Украине, где Конкордия Николаевна работала долго, мне удалось ближе познакомиться с этим большим человеком. Поражало с первого взгляда как будто полное отсутствие личной жизни у Конкордии Николаевны; к этому времени тов. Самойлова потеряла мужа,—он умер от холеры в Астрахани. Глубоко затаенное горе могли заметить только близкие тов. Самойловой люди. Окружающие же видели ее то на заседаниях, то на собраниях, то спешно заканчивающей статью или брошюру. Лежа, больная, она исписывала простыни бумаг. Писала она без черновиков, сразу для набора, четким крупным почерком, легко и просто.

На Украине работа среди женщин принимала несколько иные организационные формы, практиканство как-то не укладывалось в жизнь, да, по-моему, в 1920 г. в нем не было той нужды, что в 1918 г. Обсуждая этот метод работы, мы резко разошлись. Она выдержала бой с молодежью на специальном совещании и повела большинство за собой. Вообще, ее выступления в революционный период неизгладимы. Я помню одно партийное собрание активистов Харькова, где среди массы партийцев затерялась скромная шляпка Конкордии Николаевны. Она попросила в разгаре прений слово и с места произнесла блестящую большевистскую речь. Собрание, всегда глухо-шумливое, замерло, ее слова металлическими звуками врезывались в голову... Я не помню содержания речи, я знаю только, что ее речь как-то сразу поставила все вещи на свое место, и большевикам не о чем стало спорить.

Такое же прекрасное слово-речь произнесла Конкордия Николаевна на Всеукраинском с'езде работниц и селянок.

Революция открыла в Конкордии Николаевне огромный источник сил, который она беззаветно отдавала делу рабочих. Мысль занять какой-либо пост пугала ее: с массами, к массам—таков был ее лозунг в работе. Как раз перед поездкой пропагандистом-агитатором по Волге Конкордия Николаевна была назначена народным комиссаром социального обеспечения на Украине.

Узнав о своем назначении, она немедленно выехала в Москву и оттуда отправилась пропагандистом по Волге. Тов. Самойлова не раз получала предложения стать заведующей центральным отделом работниц и крестьянок и всякий раз отклоняла эти предложения.

Ее последний рейс, рейс по Волге, был сплошным триумфом в смысле обаяния и силы ее выступлений.

Загляните в перечень ее выступлений на пароходе „Красная Звезда". С 1 по 31 мая—35 выступлений, темы самые разнообразные, впечатления... Спросите тех, кто слушал, им не забыть этих речей...

И в то же время неотступная мысль отыскать могилу мужа в Астрахани. Могила найдена. Тяжелое предчувствие закралось в душу тов. Самойловой.

„Я теперь верю в фатализм, сказала Конкордия Николаевна за два дня до своей болезни",—пишет тов. Еремеев.—„Все же Конкордия Николаевна работала с прежней энергией, пожалуй, еще с большей. Но какая-то грусть смотрела из ее глаз".

2 июня 1921 г. на пароходе „Красная звезда", в 25 верстах от Астрахани, скончалась Конкордия Николаевна, заразившись холерой от одной ленинградской работницы.

Схоронили ее в одной могиле с мужем.

На боевом посту, в полном расцвете сил, умер славный большевик—тов. Самойлова.

Лев Яковлевич Карпов

1879—1921

А. В. ШОТМАН

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ КАРПОВ

ЛЕВ ЯКОВЛЕВИЧ КАРПОВ родился в Киеве 18 февраля 1879 г. В 1888 г. он поступил в киевское реальное училище, которое и окончил в 1896 г. Еще будучи в реальном училище, Карпов стал изучать политическую экономию и знакомиться с вопросами рабочего движения. В этом же году он уезжает в Москву и поступает в Высшее техническое училище, сначала на механическое, а уже через год на химическое отделение. С этого времени химия становится его любимой наукой. В первый же год пребывания в Москве Л. Я. познакомился с деятелями революционного движения, а через год становится активным членом Российской социал-демократической рабочей партии, работая в ней в качестве пропагандиста, руководя нелегальными группами рабочих в различных районах города. В начале марта 1899 г. Л. Я. был впервые арестован и, просидев в Таганской тюрьме 9 месяцев, был выслан в административном порядке в Курск.

Пребывание в тюрьме только укрепило в нем революционные убеждения. Он там много и усердно занимался по политической экономии, по истории рабочего движения, по литературе и математике.

После годичного пребывания в Курске Л. Я. вместе с группой товарищей был переведен в Воронеж, где к тому времени собралось много ссыльной молодежи. Серьезные занятия, общение с более подготовленными товарищами окончательно оформили Л. Я. как политического работника, и он принял активное участие в организации Северного Союза РСДРП. Вскоре Л. Я., вместе с несколькими товарищами, был вновь арестован и отправлен в Москву, а по истечении нескольких месяцев вновь выслан в Воронеж, где и прожил до февраля 1903 г. Несмотря на обилие провокаторов, которыми царское правительство наводнило Воронеж, с целью раскрытия членов Северного Союза, Льву Яковлевичу удалось избежать ареста и после окончания административной ссылки перебраться снова в Киев. Здесь он вошел в организацию и вскоре выдвинулся в члены Киевского комитета РСДРП. Осенью 1903 г. он был третий раз арестован.

Два месяца пробыл на этот раз Л. Я. в тюрьме, два месяца пытались жандармы собрать против него данные для его обвинения, и тем не менее, за отсутствием улик, его пришлось освободить. Но в виду усиленной слежки со стороны жандармов о продолжении подпольной работы в Киеве нечего было и думать, и Л. Я. едет в Самару, куда он был послан в качестве агента ЦК для организации там Восточного бюро ЦК партии.

Это поручение было им выполнено вместе с покойным ныне тов. Дубровинским (Иннокентием). Бюро было организовано, и он им руководил до середины 1904 г. Из Самары он вновь едет в Киев, уже в качестве члена ЦК, для организации Южного бюро ЦК партии и организует в Полтаве подпольную типографию. Полгода он возглавляет киевскую организацию, оставаясь неуловимым для жандармов, и попадается в их руки лишь в январе 1905 г. в Москве, на квартире Андреева, где происходило заседание ЦК. Освобождает его из тюрьмы революция 1905 г. Выйдя на волю 17 октября 1905 г., он немедленно принимается за работу, организует большевистскую газету „Вперед", а два

месяца спустя принимает участие в вооруженном восстании. Усиленная работа, тюрьма, участие в восстании подорвали его силы, он заболел и уехал сначала в Петербург, а затем в Финляндию. Но и больной он не прекращает работы. В Финляндии он принимает участие в организации лаборатории для изготовления взрывчатых веществ. Полгода спустя, в августе 1906 г., Л. Я. приезжает в Москву, где почти год работает в качестве секретаря Московского Комитета партии (большевиков). И тут жандармам не удается его проследить. Он попадается в их руки лишь 1 мая 1907 г., на первомайском собрании в Сокольниках. Его вновь 3 месяца держат в тюрьме, а затем высылают из Москвы. Но сидеть без дела он не может; он возвращается нелегально в Москву и после долгого промежутка ухитряется легализоваться, поступает в техническое училище, где работает у профессоров Чугаева, Остромысленского, Лангового и других. По окончании училища в 1910 г. Л. Я. стремится к научной работе и настолько в ней успевает, что для окончания первой научной работы ему была выдана Леденцовская стипендия.

С этого времени Лев Яковлевич отдается научно-практической работе. Им написан ряд научных работ по химии. Огромные заслуги Л. Я. оказал нашей промышленности в области канифольно-скипидарного производства.

По его проектам и под его руководством построен ряд канифольно-скипидарных заводов в разных концах России и один крупный завод на севере Финляндии. С 1915 г. до самой революции Л. Я. был директором крупного химического завода в Тихих Горах, Вятской губернии. Ему удалось добиться разрешения построить при этом заводе первый в России образцовый рабочий поселок. Л. Я. оставил завод после Октябрьской революции и уехал в Петроград. Являясь одним из редких специалистов-инженеров, обладая громадными знаниями по химии, большим практическим опытом и организаторскими способностями, Л. Я. был привлечен партией к организации Высшего совета народного хозяйства и затем поставлен на ответственный пост заведующего химической промышленностью и члена президиума ВСНХ. Перед Л. Я. стояла задача сохранить химическую промышленность от разрухи, приспособить ее к социалистическому хозяйству и к условиям полного отсутствия связи с мировым рынком. На этом посту Л. Я. имел возможность полностью развернуть свой организаторский талант. С первых же дней Октябрьской революции, когда почти вся интеллигенция саботировала советскую власть, Л. Я. сумел привлечь к работе всех выдающихся крупных специалистов и своим примером, упорной работой и своим личным обаянием заставил их отдаваться делу не за страх, а за совесть. Благодаря тому, что во главе этой важнейшей отрасли народного хозяйства стоял такой энергичный, талантливый инженер-коммунист, химическая промышленность советского государства была не только спасена от разрухи, но и поставлена на такую высоту, что она не уступает в целом ряде производств заграничной технике.

Льву Яковлевичу, как почти единственному авторитетному специалисту в президиуме, приходилось принимать участие в разнообразнейших и многочисленных начинаниях советской власти Придавая большое значение научно-техническим работам и считая, что германская химическая промышленность получила столь громадное, блестящее развитие исключительно благодаря своим образцовым лабораториям и научным силам, Л. Я. очень внимательно относился ко всем научным начинаниям и академической жизни ученых. При его содействии и близком участии еще в 1918 г. была организована Центральная химическая лаборатория для разработки новых методов производства и улучшения старых, во главе которой стал революционер-ученый, проф. А. Н. Бах.

Незадолго до смерти Л. Я., по его инициативе и под его руководством, было приступлено к постройке специального здания для Центрального химического института и полузаводской опытной станции. Этому институту, одному из лучших в Европе, теперь уже функционирующему, присвоено имя Л. Я. Карпова.

В июне 1920 г. Л. Я. заболел. Болезнь — карбункул на шее—осложнилась впоследствии заражением крови с локализацией в сердце. Во все

время болезни и до самых последних дней своей жизни, лежа в постели с лихорадочной температурой, доходившей ежедневно до 39—40 градусов, Л. Я. продолжал принимать близкое участие во всех делах, совершенно не щадя себя. Он принимал по делам, просматривал протоколы, писал письма, интересовался политической жизнью, совершенно не думая о близком и трагическом конце. Почувствовав приближение смерти, он отнесся к ней спокойно.

6 января 1921 г. его не стало. Выросла еще одна могила на Красной площади...

Петр Лазаревич Войков

1888—1927

Л. Л. ОБОЛЕНСКИЙ

ПЕТР ЛАЗАРЕВИЧ ВОЙКОВ

МОЕ знакомство с тов. Войковым произошло в 1918 г. в Перми, когда он заведывал Уральским областным отделом снабжения. Свердловск (тогда Екатеринбург) был занят Колчаком, и весь Областной Комитет перекочевал в Пермь.

Нет нужды рассказывать о том, какую массу труда и энергии надо было затрачивать в то тяжелое время на важнейшей отрасли работы—снабженческой, которой тов. Войков всецело отдавал все свои силы. Заняв Сибирь и Екатеринбург, Колчак тем самым отрезал нас от всех продовольственных центров. Голодали так, что зачастую весь состав ответственных товарищей сидел буквально без хлеба. И вот в этой обстановке неунывающий, всегда бодрый, всегда веселый и остроумный Петр Лазаревич делал чудеса своей неутомимой энергией. По внешнему виду тов. Войкова никогда нельзя было судить о трудности как переживаемого момента, так и его колоссальной напряженной работы. Все выходило у него необычайно просто, легко и даже как будто празднично. Ни одна тень не омрачала бодрого молодого лица. Не могу забыть его всегда изящную фигуру, несущуюся по улицам Перми в коляске на паре „с отлетом“ (реквизированной, если не ошибаюсь, у бывшего полицмейстера-франта). Стремительный полет молодой стройной фигуры, необыкновенно элегантной даже в те невозможные по скудности времена, невольно импонировал и заражал каким-то веселым, бодрящим чувством всех окружающих. Помню группу пожилых мотовилихинских рабочих, с которыми я как-то встретил проезжавшего на паре Войкова, их добродушно-радостную усмешку и ласковые слова: „Вот-вот, пусть наши покатаются. Молодчина парень“. Чувствовалась глубокая искренность в этом признании тов. Войкова „своим“, близким—и таковым он действительно и был, не делая ни малейшего усилия завладеть симпатиями масс или отдельных личностей, с ним соприкасавшихся.

Эвакуация Перми разлучила нас тогда на год. Следующая моя встреча с Петром Лазаревичем состоялась уже в Москве, в 1919 г., когда он работал в Центросоюзе. И этот год хорошо памятен всем товарищам. Вспоминаю, как голодная и оборванная публика осаждала Петра Лазаревича в это время просьбами „снабдить“ кого чем: то едой, то обувью и т. д.

И все тот же неизменный образ: приветливый, ласковый, отзывчивый, ободрит, обласкает, иной раз ничего не сможет дать или устроить, но „от одного только разговора с ним полегчает на душе“, говорили тогда товарищи о Войкове. И здесь, как на Урале, тов. Войков, кроме текущей повседневной работы, ведет большую организационную и общеэкономическую работу.

Собственно говоря, разработка первого проекта районирования Урала (по производственному принципу) начата была им совместно с А. А. Кузьминым (ныне тоже покойным). В Центросоюзе на нем, главным образом, лежало осуществление основной задачи того времени—приспособление кооперации к нашим условиям. Всем работавшим в то время с беспартийными хорошо известно и понятно, какой громадный запас такта и умения необходимо было иметь в этой сложной и щепетильной работе—ломки и перестройки аппарата

при проведении строгой, определенной линии. Справился с этой работой Петр Лазаревич блестяще, оставляя по себе самую лучшую память у всех без исключения своих сотрудников.

В период 1919—20 г. встречаться с Петром Лазаревичем мне приходилось только урывками, на нейтральной почве (в столовой СНК), да и трудно было в то время найти свободную минутку для продолжительных бесед по „душам". Помню, я зашел к нему как-то, когда он уже работал во Внешторге. Тов. Красин был за границей, тов. Лежава и тов. Войков были перегружены работой выше головы. Петр Лазаревич сидел в громадном кабинете на Ильинке, метался от телефона к телефону, бегал по совещаниям, принимал, направлял и все же не терял своего обычного духа.

— Устали?—спрашиваю его.—Нет, не очень... Только вот, кажется, скоро запою петухом, и уведут меня отсюда под ручки...

С 1921 г. сношения мои с тов. Войковым ограничивались либо перепиской по общему нашему делу (исполнение Рижского договора), либо краткими свиданиями при моих редких приездах из Варшавы. Работу в комиссии по реэвакуации вел он так же, как и все другие свои работы: остроумно, блестяще, с настойчивостью и изобретательностью, добиваясь больших результатов необыкновенным тактом и обаянием своей недюжинной личности. Когда мне пришлось в Варшаве беседовать с одним из его непримиримых противников, председателем польской делегации реэвакуационной комиссии г. Ольшевским, этот последний, жалуясь на „неуступчивость" т. Войкова, не мог все же не помянуть добром „этого обаятельного человека и истинного европейца", который доставил Ольшевскому немало тяжелых минут в работе комиссии.

Надо ли упоминать, что сотрудники комиссии все без исключения боготворили тов. Войкова. Требовательный, поддерживавший строгую дисциплину, он в то же время умел соединять эти свойства администратора с большой задушевностью и неустанной заботливостью о своих сослуживцах. Когда я приехал из Варшавы, для того чтобы уступить Петру Лазаревичу свое место там, он немедленно сам разыскал меня и принялся вводить в курс московской жизни. До его от'езда в Варшаву мы почти не расставались с его семьей и с ним. Последний раз мы виделись с ним во время его короткого пребывания в Москве, кажется, в 1925 г. Меня поразила его кипучая энергия и масса планов, которыми он был полон.

Быстро и полно он сумел отразить все стороны польской жизни и разрабатывал широкие организационные планы по увязке наших экономических интересов с Польшей.

Нет никакого сомнения, что тов. Войкову удалось бы, невзирая на неблагоприятную кон'юнктуру, добиться очень многого в деле улучшения и укрепления наших отношений с Польшей, если бы нелепая смерть не оборвала деятельность этого исключительно одаренного, образованного и блестящего человека, культурнейшего европейца и в то же время необыкновенно стойкого, искреннего и преданного пролетариату революционера-большевика.

ЛЕНИН